

ПО ТУ СТОРОНУ

Николай Пастухов

ЩУПАЛЬЦА

СПРУТА

ВДОЛЬ РИО-ГРАНДЕ

ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ

Николай Борисович Пастухов родился в 1920 году в Фергане. Журналистскую работу начал по окончании Высшей дипломатической школы МИД СССР как корреспондент ТАСС в Индии. Затем в качестве корреспондента «Правды», журнала «Огонек», газеты «Сельская жизнь», членом редколлегии которой Н. Б. Пастухов сейчас является, работал во многих странах Европы, Северной и Южной Америки, Азии, Африки. Его очерки, комментарии, международные обозрения и публицистические статьи публикуются центральными газетами и журналами нашей страны, а также за рубежом.

Н. Б. Пастухов — член Советского комитета защиты мира, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии имени Воровского. Награжден орденом Дружбы народов.

ПО ТУ СТОРОНУ

Николай Пастухов

**ЩУПАЛЬЦА
СПРУТА**

ВДОЛЬ РИО-ГРАНДЕ

Книга знакомит читателя с жизнью и бытом мексиканского народа, с его сегодняшними политическими и экономическими проблемами.

Автор рассказывает о перипетиях нефтяной «войны» между Мексикой и США, о том, как сопротивляется Мексика нажиму монополий США, пытающихся любыми средствами прибрать к рукам ее «черное золото».

Один из очерков рисует безрадостную судьбу брасерос — мексиканских безработных — в США.

В основу книги легли личные впечатления автора.

Ацтекский орел

Воздушный путь в Западное полушарие проходил через Северную Европу, Канаду и Кубу. Утомительное путешествие длится более двадцати часов. Я покинул Москву ранним январским утром. Стрелки часов бегут, а время будто застыло. За иллюминатором беспробудная темень. В кабине светится лишь сигнальный плафон. Пассажиры наворачивают сон, прерванный поездкой на аэродром. И только перед первой посадкой на канадском острове Ньюфаундленд чуть забрезжило солнце. По московскому времени уже полдень, а здесь только занималось утро.

Наконец-то сумел разглядеть попутчиков. Из Москвы на родину возвращалась большая группа мексиканских туристов. Снова в полете. Начались знакомства. Туристы восторженно делились впечатлениями. Каждый из них считал своим долгом в знак благодарности за сердечную атмосферу, которой они были окружены в Советском Союзе, оказать мне содействие в знакомстве с их страной по прибытии в Мехико.

В группе были студенты и педагоги, писатели и художники, музыканты и даже один полицейский, который еще с детских лет мечтал побывать в нашей стране. С известным в Мексике доктором психологии, к немалому удивлению, беседую на русском языке. Оказывается, его предки — выходцы из нашей страны, и знание языка передавалось из поколения в поколение. Он читал в подлиннике русских классиков, хранит дома как бесценные реликвии тульский самовар и набор шалашинских пластинок. Огромное впечатление на него произвели наши театры и, особенно, балет, исторические памятники Москвы, Ленинграда, Суздаля и Переславля, размах жилищного строительства и, конечно же, катание на русских тройках. Много выразительных слов он посвятил нашим морозам и тому, как мексиканцы спасали свои носы и уши. Конеч-

но, он говорил об этом с юмором, но, думаю, что, когда мексиканцы сидели в санях, мчавшихся в морозный день по лесу, то им, наверное, было не до шуток (в канун и начале 1979 года ртутный столбик в московских термометрах опускался ниже сорокапятиградусной отметки!).

Вторая посадка — на Кубе. Нас встретила жаркая, знойная погода. Теперь пришла моя очередь «восхищаться» прелестями тропического климата. Попутчики же почувствовали себя в родной стихии и по мере приближения к Мехико, как дети, перебегали от одного иллюминатора к другому, выкрикивая названия пливших внизу гор, окутанных редкими дымчатыми облачками.

— Смотрите, смотрите! — кто-то говорил мне, — это «Курящая гора»! А вот дальше вершина, которая называется «Спящая женщина»!

Они произносили эти слова с такой теплотой, будто имена своих родных и близких. Наконец, как на ладони, предстал Мехико. Доктор психологии сказал мне, что мексиканская столица имеет очень интересную историю, что город когда-то начал воздвигаться на небольшом островке в озере, а затем так разросся, что подмял под себя и это озеро.

— Видите аэродром, — показал мне доктор, — когда-то он был выстроен за городской чертой, но сейчас Мехико так разросся, что аэродром оказался значительно ближе к центру, чем к окраинам.

Наш самолет продолжал совершать круги над мексиканской столицей. Доктор обращал мое внимание то на одну, то на другую улицу, площади и даже отдельные здания. Я, конечно, в тот момент ничего не запомнил, но удивительную панораму Мехико запечатлел в памяти на всю жизнь. И только позднее, после поездок по городу, изучения путеводителей, оказался в состоянии придать какую-то стройность первым впечатлениям.

Прежде всего бросалось в глаза обилие древних памятников, храмов-базилик испанского периода и ультрасовременных зданий из камня, металла и стекла. Рассказы обо всем том, что было связано с историей Мехико, мои друзья, как правило, сопровождали множеством мифологических ле-

генд. Я добросовестно их записывал в блокноты и, сверяя с соответствующей литературой, подчас не мог свести концы с концами. Дело, оказывается, в том, что эти легенды на протяжении веков передавались устно от одного поколения к другому, и каждое вносило в них что-то свое. И более того, в разных местах об одном и том же событии рассказываются разные легенды. Поэтому в Мексике можно услышать множество вариантов одного и того же исторического события, но всегда легенды придают им какой-то романтический ореол. Даже мексиканским исследователям бывает трудно фольклорное отделить от реального, о чем они откровенно сообщают в своих трудах. Но все это, естественно, относится к древнему периоду истории Мексики.

Обобщив записи в блокнотах и прочитанное в книгах, я представил себе примерно так историю возникновения города Мехико. Еще в IV веке до нашей эры в 48 километрах от места, где ныне находится мексиканская столица, появились первые сооружения города Теотихуакан. Позднее здесь процветала высокая культура зодчества разных индейских цивилизаций. Одно из древнейших сооружений — знаменитая «Пирамида Солнца» высотой 60 метров. Она была выложена из миллиона кубических метров глинобитной массы. Потом появились «Пирамида Луны» и многие другие. Их начали покрывать массивными гранитными плитами в строго геометрическом порядке. На монолитах искусно вырезались замысловатые орнаменты. В строительстве этих величественных сооружений, длившемся на протяжении многих десятков лет, участвовали огромные массы людей разных поколений. В I веке нашей эры вокруг пирамид Солнца и Луны возник город, в центре которого жили правители и жрецы, а на окраинах — строители, ремесленники, торговцы, художники и скульпторы. Его население к этому времени уже достигало двухсот тысяч человек.

«Теотихуакан» означает «Место встречи с богами». Вот почему в орнаментах плит можно увидеть контуры Венеры, окруженной птицами, змеями и ягуарами, — все это составляло тогда религиозную символику. Во время раскопок Теотихуакана архео-

логи обнаружили улицу, которая упоминается в мифологических легендах как «Дорога смерти». Легенды рассказывают, что по этой дороге вели юношей и девушек, которые приносились в жертву богам. Их подводили к пирамиде Луны. Здесь жрецы каменным ножом вырезали у жертвы сердце и бросали его к подножию пирамиды, а толпа в это время молила богов избавить ее от эпидемии, засухи, землетрясения или от жестоких набегов враждебных племен.

Здесь жили разные племена, пока не пришли тольтеки во главе с легендарным вождем Микскоатлом, который захватил Теотихуакан, всю центральную часть страны, а также долину Анахуак (с XVI века она называется долиной Мехико).

Как-то, гласит легенда, во время одного из походов Микскоатл повстречал на горном перевале неопишуемой красоты девушку из враждебного племени, которое скрывалось от тольтеков в пещерах. Гордо и бесстрашно окинув взглядом Микскоатла, она начала снимать с себя одеяния — так по обычаям ее племени поступали все, кто должен расстаться с жизнью. Микскоатл натянул тетиву лука, прицелился, но вид красивой девушки привел его в волнение. Выпущенная стрела пролетела около ее головы. Не моргнув глазом, она с презрением смотрела в лицо врага. Вторая стрела едва не коснулась талии, третья прошла около бедра, а четвертая, и последняя, проскочила между ног...

И тогда Микскоатл решил, что это сами боги послали девушку ему в жены. Тольтеки отпраздновали пышную свадьбу. Но Микскоатл не дождался рождения сына, так как один из приближенных коварно убил его, захватил часть земель и отделился от тольтеков. Близкие и верные люди погибшего вождя взяли на воспитание его сына и дали хорошее по тем временам образование, позволившее ему стать первым жрецом тольтеков, а позднее он сел на трон отца и объявил себя не только правителем, но и богом, посланным с Венеры, по имени Кьютзолкоатл (это словообразование интерпретируется как двуликое существо, соединившее в себе образы птицы и змеи).

Кьютзолкоатл казнил убийцу отца, вернул захваченные им земли и в 980 году столицу своих владений перенес в Тулу, что находится примерно в 100 километрах от Мехико. Здесь он построил в память об отце небывалый по тем временам храм, восточные апартаненты которого сделал золотыми, западные — изумрудными, южные — жемчужно-серебряными и северные — рубиновыми. После этого художники на своих фресках начали изображать Север красным цветом, Юг — белым, Восток — желтым и Запад — зелено-голубым. Эта символика глубоко вошла в традиции национального мексиканского искусства.

Новый правитель решил изменить существовавшую тогда религию и предложил вместо людей приносить в жертву богам змей и бабочек. Тольтеки, подстрекаемые врагами вождя, восстали против введения нового ритуала. В 999 году Кьютзолкоатл покинул Тулу, заявив, что уходит туда, где в лучах Венеры вода встречается с небесами, но снова вернется к тольтекам...

Тем временем в этих местах на смену одним племенам индейцев приходили другие, а легенда о боге Кьютзолкоатле продолжала жить. Наконец, в Мексике появились могущественные племена ацтеков, двигавшиеся с севера. Они совершали свой поход под предводительством жреца Теноча, который убедил ацтеков, что ведет их в прекрасные земли, о существовании которых ему поведал человеческим голосом главный ацтекский бог Уитсилопочтли. Поход, передавал Теноч слова бога, должен закончиться там, где ацтеки увидят растущий из скалы кактус, на котором будет сидеть орел со змеей в клюве. Орел считался у ацтеков сыном Солнца, посланцем божественного светила.

Наконец, они вошли в долину Анахуак и расположились на привал вблизи одного большого озера. Это место ацтеки называли Чапультепек. Сейчас здесь находится городской парк Мехико с тем же названием. Вдруг ацтеки увидели на озере скалистый остров, покрытый кактусами, на одном из которых сидел орел со змеей в клюве. Это случилось, как гласит предание, 18 июня 1325 года. Тут же ацтеки приступили к возведению на острове столицы своих владений и назвали ее в честь сво-

его жреца — Теночтитлан. Озеро постепенно засыпалось камнями и песком, а на отвоеванном у воды пространстве строились дворцы, акведуки, каналы, плавающие сады и ацтекские пирамиды, около которых совершались религиозные ритуалы.

Но вот в 1517 году, по приказу испанского короля, отряд конкистадоров под предводительством Кортеса отплыл от берегов острова Куба и высадился на побережье Мексики. Молва о белых людях, пришедших с моря и передвигающихся на лошадях, которых ацтеки увидели впервые в своей жизни, разнеслась повсюду. Это известие было связано с обещанием бога Кьютзолкоатла вернуться в Мексику, и все решили, что восседавший на коне в сверкающих доспехах Кортес и является собой вернувшегося бога Кьютзолкоатла... 8 ноября 1521 года испанские конкистадоры вошли в Теночтитлан. Удивленный Кортес увидел вождя ацтеков Моктесума, павшего перед ним ниц. Позднее ацтеки поняли свою ошибку, организовали борьбу против чужеземцев, но было уже поздно. Из Испании приходили все новые и новые корабли с вооруженными до зубов захватчиками. Кортес дал новое название ацтекской столице — Мехико. Началось варварское уничтожение древней культуры, храмов и самих ацтеков. К началу испанского завоевания в Мексике насчитывалось 25 миллионов коренных жителей, а к 1605 году их осталось чуть более одного миллиона...

Сейчас по вечерам в Теотихуакане проводится своеобразное представление, воскрешающее легенды о древних ритуалах индейцев, главным образом для иностранных туристов. На одной из каменных площадок, превращенной в амфитеатр, размещаются посетители. Отсюда видны все пирамиды. Темнеет. Атмосфера таинственности. Неожиданно вспыхивают прожекторы, вырывая из темноты то одно, то другое сооружение. С помощью мощных динамиков, установленных в гранитных углублениях, каждая пирамида начинает «рассказывать» свою историю, составленную по легендам и звукозаписям индейских фольклорных фестивалей. Вот красным цветом вспыхивает пирамида Солнца. Она «вспоминает» племена, которые ей поклонялись, и ритуалы тех далеких времен.

Загорается голубым сиянием пирамида Луны и продолжает рассказ о том, что происходило у ее гранитных плит.

Вдруг пирамиды гаснут. Долина потрясается душераздирающими человеческими воплями, напоминая о тех временах, когда здесь у подножия пирамиды Луны совершались обряды жертвоприношений. А над Теотихуаканом в это время светит настоящая Луна. Виднеется цепочка близлежащих гор, и среди них вершина «Спящей женщины», контуры которой больше соответствуют своему названию, когда их видишь здесь, а не с воздуха. Снова вспыхивают пирамиды, снова начинают «говорить», все больше и больше погружая в таинственный мир далекого прошлого, и каждый, кто сидит в амфитеатре, становится как бы соучастником древней жизни. Вдруг это ощущение нарушается гулом реактивного самолета, совершающего круги над Мехико перед посадкой... Но если для тех, кто в этот момент находился в Теотихуакане, скачок во времени составлял лишь мгновение, то движение Мексики в XX век было гораздо более длительным и проходило в упорной борьбе против внешних сил, которые зарились на ее земли.

Еще в начале прошлого столетия очаг этой борьбы разгорелся в местечке Долорес. Восстание возглавил священник Мигель Идальго. Он повел людей на штурм испанской цитадели в Гуанахуато. Неравный бой. Шквал огня. Отчаяние повстанцев. И в этот момент индеец Хуан Мартинес, известный среди земляков под кличкой Пипила, взяв в одну руку факел, а в другую камень, которым прикрывал от пуль голову, пошел на крепость. Его ноги кровоточили, но он все же добрался до городских ворот Гуанахуато, разбил их камнем и поджег факелом... Когда Мигель Идальго сообщил умирающему герою о взятии крепости, тот, едва шевеля губами, сказал: «Есть еще другие крепости, которые надо сжечь...» Путь первых повстанцев мексиканский народ назвал «Дорогой независимости». Проезжая по ней, я видел мраморные указатели, увенчанные ацтекскими орлами, в развевающихся перьях которых было выбито слово «СВОБОДА».

Спустя три десятилетия в Мексику устремились

захватчики с севера. Они отторгли почти половину территории страны, которая сейчас составляет основную часть американских штатов Техас и Калифорния. Но мексиканский народ преградил путь агрессору на реке Рио-Гранде, протянувшейся на три тысячи километров. О ней в Мексике сложены песни, как о нашей Волге. Рио-Гранде катит свои воды, поется в них, полные пота от тяжелого труда, слез от горя и крови, пролитой в боях с американцами и испанцами.

Среди тех, кто участвовал в битвах с американцами на берегах Рио-Гранде, был Бенито Хуарес, сын бедного мексиканского крестьянина, который после буржуазной революции 1854 года стал выдающимся политическим и государственным деятелем страны, составителем первой в истории Мексики либеральной конституции, а затем и президентом. На посту президента страны он ввел много новых прогрессивных законов и реформ, которые прочно вошли в жизнь мексиканского народа. Во время англо-франко-испанской агрессии в XIX веке против Мексики Бенито Хуарес возглавил борьбу против иностранных интервентов и внутренней реакции. С имен Мигеля Идальго, Хуана Мартинеса и Бенито Хуареса мексиканские школьники начинают изучать историю освободительного движения своей родины.

Но Бенито Хуарес лишь возродил Феникса из пепла. Борьба продолжалась, пока в 1910 году не вспыхнуло новое народное восстание против внешних и внутренних врагов Мексики. Героями этого восстания стали Франсиско Вилья и Эмилиано Сапата. Оно завершилось буржуазно-демократической революцией, антифеодальной и антиимпериалистической по своему существу.

Франсиско Вилья сформировал из крестьян на севере страны боевые дивизии. Они громили феодалов и реакционеров. На освобожденных территориях Франсиско Вилья проводил конфискацию собственности у предпринимателей и земли у латифундистов. А на юге и в центре Мексики действовали крестьянские дивизии под командованием Эмилиано Сапаты. Он уже разработал целую программу по разрешению аграрного вопроса (Мексика всегда была и остается в наши дни, в основ-

ном, крестьянской страной). Эта программа, известная под названием «План Аала», предусматривала ликвидацию крупной земельной собственности за выкуп и наделение крестьян землей. Многие ее положения вошли позднее в аграрную реформу, принятую после революции.

С декабря 1914 года войска Франсиско Вильи и Эмилиано Сапаты осаждали Мехико и в июне 1915 года победоносно вступили в столицу. История повторилась. Первый привал бойцы сделали в городском парке Чапультепек, примерно на том же месте, где и ацтеки. Они устали и проголодались. Жители Мехико принесли в парк продовольствие и арбузы. «Вот цвета национального флага будущей республики,— воскликнул один из командиров, разрезая арбуз,— красный, белый, зеленый, а в центре надо изобразить ацтекского орла! Ведь именно отсюда наши предки увидели его на скале. Это будет символом того, что наша родина, наконец, вернула себе свободу». Раздалось громкое «Виват!» (Ура!).

В 1917 году революция победила на всей территории Мексики. Первым президентом республики стал Франсиско Мадеро. Над страной взвился национальный флаг, символика которого была рождена в парке Чапультепек. В том же году состоялось учредительное собрание, которое приняло новую демократическую конституцию, провозгласившую собственностью нации землю, воды и недра страны и ограничение крупного землевладения. Тем самым была заложена основа аграрной реформы, которая начала проводиться в жизнь.

С радостью обновленная Мексика встретила известие с другого полушария о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России, свершившейся в одно время с мексиканской. «Выиграли бы много мы,— писал в эти исторические дни Эмилиано Сапата,— выиграла бы человеческая справедливость, если бы люди нашей Америки и все нации Старой Европы могли бы понять, что дело революционной Мексики и дело восставшей России олицетворяют дело человечества, высший интерес всех угнетенных».

Но борьба в Мексике продолжалась, правда,

уже не на баррикадах и полях сражений, а в заговорах, диверсиях и провокациях. Недолго пришлось жить тем, кто возглавлял революцию. Подло, из-за угла заговорщики убивают сначала Франсиско Вилью, а затем Эмилиано Сапату...

Во время поездки по Мексике мраморные указатели с ацтекскими орлами привели меня в город Гуанахуато. Я поднялся на холм, где высится могучая фигура в граните Хуана Мартинеса (Пилы). На пьедестале памятника, усыпанном цветами, золотыми буквами высечены его предсмертные слова, обращенные к потомкам: «Есть еще другие крепости, которые надо сжечь...»

Верхние этажи Мехико

Когда приезжаешь первый раз в столицу какой-нибудь страны, то невольно начинаешь ее сравнивать с теми городами, где уже довелось побывать. Как это может показаться ни странно, но Будапешт мне почему-то напоминает Париж, хотя, по существу, между ними нет ничего общего. Обилие золоченых памятников разных веков, хаотичное расположение улиц и площадей Брюсселя характерны и для Лиссабона, а контуры Гаваны можно разглядеть в некоторых районах Чикаго.

Конечно, все это субъективные впечатления, с которыми не каждый может согласиться. Но что касается Мехико, то этот город абсолютно самобытен, оригинален. При знакомстве с ним, его историей у меня как-то возник образ многоэтажности мексиканской столицы не только в пространстве, но и во времени. Главное же заключается в том, что жильцы этих этажей постоянные, то есть мексиканский народ, сохраняющий свои национальные традиции и создающий новые.

Остатки первого этажа Мехико, заложенного ацтеками, кое-где можно увидеть в самом городе, их находили во время строительства столичного метрополитена и совсем недавно обнаружили после сноса одного здания и подготовки площадки для строительства нового. Второй этаж столицы — это классическое барокко. Его строили те же ацте-

ки, но под руководством талантливых испанских зодчих, скульпторов и художников. Последние этажи Мехико — это модернистская архитектура, тесно связанная с традициями индейских культур, о чем свидетельствуют конструкции сооружений и принявшая широкий размах настенная живопись.

Олицетворением средневекового искусства, на мой взгляд, является белокаменный Дворец изящных искусств, а наших дней — Полифорум — культурный центр столицы, стены которого украшены прекраснейшими фресками Давида Альфаро Сикейроса, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Но в Мехико уже построен и новейший этаж — университет, антропологический музей, Латиноамериканская башня, откуда открывается изумительная панорама города, а также 50-этажные отели «Мехико» и «Президенте». Фантазии местных зодчих и художников просто нет предела. Каждое их творение — будто застывший в камне ритм национальной музыки. А вместе взятые — это гармония, это песня, которая называется «МЕХИКО»...

Автомобилей в Мехико не меньше, чем, например, на нью-йоркских улицах — почти три миллиона (местных и приезжих), но движение менее четкое, а подчас и безалаберное, особенно когда за рулем сидят юнцы из богатых семей и представительницы прекрасного пола. Последние считают, что им положено уступать дорогу не только на тротуарах, в дверях домов и лифтов, но даже тогда, когда они ведут машину. Поэтому часто бывают мелкие, а иногда и крупные инциденты.

Существует и еще одна особенность мексиканского движения: почти за каждой машиной тянется хвост выхлопных газов. Трудно бывает дышать, особенно в туннелях, когда образуются «пробки». Это объясняется качеством горючего, высотой Мехико (более двух тысяч метров над уровнем моря) и гибелью лесов на склонах гор, окружающих город. Недостаточность в воздухе кислорода приводит к неполному циклу сгорания в двигателях. Поэтому и увеличивается выход выхлопной гари. Она смешивается с отходами промышленного кольца Мехико, образуя ядовитое облако — смог,

которое почти постоянно висит над мексиканской столицей.

Но у Мехико есть свои «легкие» — это огромный старинный городской парк Чапультепек. Здесь много зелени, цветов, фонтанов. В вечернее время они подсвечиваются всеми красками радуги, которые отражаются в небольшом водоеме (вероятно, специально сохранный часть древнего ацтекского озера). В субботние и воскресные дни парк заполнен людьми. Сюда приезжают семьями, компании устраивают пикники, молодежь катается на лодках и организует импровизированные гонки на велосипедах и футбольные матчи. Вечером Чапультепек переходит во власть влюбленных пар...

Пожалуй, ни один город мира не может сравниться с Мехико по количеству базаров — их здесь около трехсот. Это не просто место для торговли, а традиционный, я бы сказал — народный фестиваль живых цветов, фруктов, кустарных изделий, вышивок, рисунков, гравюры и всего того, что сделано руками умельцев, искусство которых передается от поколения к поколению. По цветочным рядам можно бродить бесконечно, вдыхая нежный аромат и наслаждаясь искусством, с которым здесь подбираются букеты. Они продаются в специальных пластмассовых тазиках, накрытых сетчатой крышкой. В каждое отверстие крышки вставляется тот или другой цветок. На дне тазика вода. Букет все время поливают. Поэтому лепестки цветов искрятся, будто усыпаны жемчугом. Глядя на эти букеты, можно понять, почему Мексика так щедра на талантливых художников. Не менее впечатлительны фруктовые ряды, где можно увидеть удивительные дары мексиканской тропической и субтропической природы. Они тоже красочно оформлены, как и цветочные.

Около палаток с кустарными изделиями всегда толпы иностранцев. Они приобретают на память об этой стране круглые ацтекские календари выгравированные на куске малахита или металла, шахматы из оникса, украшения из серебра, ажурные вышивки, знаменитые мексиканские соломенные шляпы — от обычных с загнутыми вверх полями до огромных сомбреро, которых в Мексике насчитывается сорок видов.

Один мексиканский друг как-то отвез меня в пригород столицы в мастерскую, где последние потомки древних индейских племен изготавливают кустарные изделия. Я был изумлен, когда узнал, что изделия не только имеют тот же самый вид, какой был, скажем, двести, семьсот, тысячу лет назад, но и делаются теми же методами, теми же инструментами, из тех же материалов. Весь этот процесс подобен гимну, воспевающему талант индейцев, истоки которого теряются в неизмеримом времени.

Вот одна девушка тянет из хлопкового волокна нить, другая окрашивает ее соками растений, а третья изготавливает ткань. В ее распоряжении всего лишь самая примитивная система из шести палок. Первая привязана к стене на уровне человеческого роста, а последняя с помощью веревки держится на ее талии. Девушка сидит на полу. С помощью промежуточных четырех палок, которые регулируют натяжение и прохождение нитей, идущих от разных катушек, она тклет полотно и одновременно украшает его искусной вышивкой, рисунок которой рожден фантазией индейцев племени хайгалы. В этой же мастерской рождаются керамические изделия, предметы из плетеных прутьев и стеблей трав, ритуальные маски и т. д. Так из древности приходит в наши дни первозданное искусство хайгалов.

Эта мастерская имеет свою палатку на одном из базаров Мехико. Вокруг полно туристов. Они прицениваются, торгуются. Одна молодящаяся американка с прической фиолетового цвета, будто на ее голову где-то вылили целый флакон чернил, наконец, решила приобрести подушечку-подлокотник как раз из той ткани и с той вышивкой, которую я видел в мастерской. Сторговавшись, фиолетовая дама отсчитала 25 песо (около 70 копеек). Какой же, думаю я, это грабеж! Уплывет хайгальская подушечка куда-нибудь в Техас или Калифорнию и будет валяться на старом кресле, а ей место в музее и на самом виду!

Мехико по праву гордится одним из лучших в мире антропологических музеев, здание которого создано талантливым архитектором Педро Рамиресом Васкесом. Музей, открытый в 1964 году, име-

ет форму прямоугольника и расположен в северной части парка Чапультепек, на том самом месте, как полагают, где ацтеки, ведомые жрецом Теночем, сделали свой первый привал и где остановились отряды Вильи и Сапаты. Здесь можно зримо познать историю Мексики от первых ее жителей до наших дней. Этому помогает замечательная экспозиция, состоящая из подлинных предметов древней культуры, муляжей, памятников и макетов. Здесь хранится «Камень Солнца», или знаменитый ацтекский календарь, который мексиканцы считают своим вторым национальным гербом. Календарь в виде круга сделан из базальтового монолита диаметром 3,6 метра и весом 24 тонны. Он был найден 17 декабря 1790 года при раскопках на территории самого Мехико.

Музей сразу обращает на себя внимание посетителей парка оригинальностью и смелостью конструкций. Прямоугольный двор музея покрыт огромной монолитной плитой (82×54 м), которая держится одной массивной колонной, постоянно находящейся в сетке падающей сверху воды, что обеспечивается системой труб, вмонтированных в плиту. Когда стоит жаркая погода, здесь всегда царит веселье, особенно среди детворы. Окружив колонну, дети визжат от радости. Под хохот толпы рассерженные мамы и папы оттаскивают их от колонны, дважды преодолевая водяной барьер. И дети, и взрослые при этом промокают до ниточки.

Но как велика бывает их радость, когда, выходя из музея на улицу Пасео де ла Реформа, они встречаются с глазу на глаз с древним индейским богом дождя Тлалоком — виновником этого забавного приключения. В эти минуты те, кто хохотал и остался сухим, завидуют промокшим.

Скульптура Тлалока сделана из одного куска камня. Имеет высоту 8 метров и весит 168 тонн. Она была сооружена между IV и VI веком до нашей эры и, видимо, предназначалась для Теотихуакана, но осталась в городе Коатличан, где была изготовлена, и стояла почти двадцать пять столетий. И вот было решено перевезти ее в Мехико, на расстояние 48 километров. Осуществление этой операции поручили мексиканской армии. Сначала скульптуру передвигали по реке, а затем на роликовой плат-

форме. Появление ее на улицах Мехико вылилось в настоящий народный праздник. Экскурсоводы в музее рассказывают, что стоял тогда знойный тропический день апрельского засушливого сезона, когда, как правило, не бывает дождей. Но вдруг в тот день произошло «чудо». Набежали тучи, и над Мехико разразился ливень... Истина или вымысел? Кто сейчас это может проверить? Старожилы говорят, что в тот день действительно в Мехико прошел дождь. Но дело не в этом. Присутствие индейского божества Тлалока — уникального и единственного такого рода памятника на Американском материке, — дарующего «дождь» на территории антропологического музея, и рассказ о «чуде» в день его перевозки придают этому месту определенную романтичность, что, естественно, впечатляет туристов, которые приезжают сюда со всего мира.

Прогулки по незнакомому городу пешком — весьма рискованное мероприятие. Жители Мехико отличаются добрым гостеприимством и поэтому никогда не ответят иностранцу «нет» или «не знаю», так как это считается проявлением невежливости. Поэтому, когда вы спрашиваете, как пройти на ту или иную улицу, они приветливо улыбаются и тут же, не задумываясь, показывают направление. Хорошо, если оно оказывается правильным, но, к сожалению, случается и другое. Мехико — гигантский город, и его жители (население 13 миллионов) просто не в состоянии знать все улицы, которые часто имеют еще и одинаковые названия. Но природная вежливость не позволяет им сказать «не знаю». Такой опыт я приобрел в первый же день пребывания в Мехико. Все остальное время ходил и ездил по городу только с картой и путеводителем — так было надежнее.

Собственно, город начинается, как здесь говорят, с площади Сокало, переименованной, и уже давно, в площадь Конституции. Хотя последнее название указывается на картах и обозначено на самой площади, но ее все почему-то именуют Сокало — такова сила привычки. Говоря о географии Мехико, хотелось бы отдать должное его мэрии, которая назвала одну из городских улиц Невой, в честь Великой Октябрьской социалистической революции, и другую — Волгой, в память о героиче-

ской Сталинградской битве. Меня проводил на эти улицы один пешеход, когда узнал, что я приехал из Советского Союза.

Близкое общение с мексиканцами оставляет о них самое доброе впечатление. Прежде всего, уравновешенные и самозабвенно упорные люди, когда они заняты трудом. В минуты фиест (праздников) искреннему веселью, темпераменту нет предела. Они буквально взрываются на корридах — парадах мужского бесстрашия в бое с быками — и родео — лихом умения укротить мустанга. Мексиканцы говорят, что когда-то лошадь пришла в их страну как символ войны, а сейчас она стала помощником человека в работе и другом в спортивном состязании.

Музыкальные фестивали — это буквально фейерверки человеческой страсти, темперамента и эмоций. Мексиканские танцы характерны для всей Латинской Америки. Они навеяны испанскими ритмами и мелодиями. Но в Мексике до сих пор сохраняются различные ритуальные танцы индейских племен, пришедшие из далеких времен. Эти танцы производят особое впечатление на лоне природы или вблизи древних храмов.

На полуострове Юкатан, где находятся знаменитые памятники культуры майя Чичен-Ица и Ушмаль, мне довелось увидеть индейские ритуальные танцы. Вот выходит на гранитную площадку индеец средних лет в красных домотканых брюках, похожих на комбинезон, но только с одной тесемкой, перекинутой через плечо. Внизу и по бокам брюки обшиты бахромой. Голова туго повязана голубой косынкой. Поверх нее надета коническая шляпа, украшенная ракушками и полудрагоценными камнями. На вершине шляпы прикреплен бумажный веер, вращающийся подобно флюгеру. Танцор держит в правой руке сразу два предмета: барабанчик и дудку. Первый висит на небольшой веревке, перекинутой между ладонью и большим пальцем, в который упирается дудка, а свободные четыре пальца, зажимая поочередно ее отверстия, создают звуковую гамму. В левой руке палочка для ударов по барабану. Но танец исполняют куклы, привязанные к столбу вниз головой. Это представление символизирует непрерывность жизни. Затем два че-

ловека исполняют танец, который называется «Олень». К их ногам прикреплены колокольчики. На одном — чучело оленя, а второй — в маске дьявола. Олень символизирует добро. Он борется, борется смело и отчаянно и, наконец, побеждает дьявола. Этот танец показывает извечную фольклорную тему всех народов о торжестве добра над злом. И наконец, исполняется танец старого человека, возникший в испанский период истории Мексики. На танцорах надеты пончо и шляпы с загнутыми вверх полями. Один из них играет на гитаре, а другой подобно миму изображает сгорбившегося старичка. Но танцует он так, что любой молодой позавидует. Танец — комический, но и в нем заложен глубокий смысл — вечность индейцев и их бесстрашие, даже стариков, перед конкистадорами. Я увидел много и других танцев — лирических, воинственных, магических, когда «жрецы» просят божества дать земле урожай, прогнать болезнь, отворотить смерть и тому подобное.

Каждый вечер на старинной площади Гарибальди собираются ансамбли уличных певцов и музыкантов — марьячис. На них яркие национальные костюмы и обязательно искрящиеся вышивкой сомбреро. Под аккомпанемент мелодичной музыки марьячис исполняют песни, прославляющие верность другу, любовь к матери, жене, брату, сестре, детям и особенно к родине. В очень многих мексиканских песнях ярко встает образ народа, который радушен к тем, кто приходит к нему с миром и добром, презирает кичливых и заносчивых и выгоняет вон из своего дома тех, кто посягает на его землю и свободу.

Эти песни называются корридос — самый распространенный музыкально-поэтический жанр в мексиканском народном творчестве. Они бывают исторические, политические, революционные, «об отважных», «о любовных трагедиях» и т. п. Все корридос, без исключения, черпают сюжеты только в реальной, повседневной жизни, и вместе с тем в них много лиричности, свойственной романсам. Особого расцвета корридос достигли во времена мексиканской революции и борьбы против агресоров.

Еще в начале нашего века, когда гринго (так

в Мексике называют американцев) пытались оккупировать Веракрус (один из штатов Мексики, граничащий с США), родилась корридо, в которой мексиканцы клялись отдать жизнь за то, чтобы не смел чужеземец знамя отчизны топтать. Они клялись, что никогда не станут рабами, хотя их оружие камни, но армия — это весь народ. В этой корридо есть такие строчки:

О справедливости любят
Гринго кричать;
Их справедливость на деле —
Грабить и повелевать.

Такие корридос я слышал не только на фестивалях. Их распевает по вечерам студенческая молодежь в парках государственного университета, который начал свою жизнь еще в 1553 году, но имел второе рождение спустя четыре столетия. Новый университет создали выдающиеся архитекторы и художники страны, воплотив в нем все лучшее, что было создано мексиканской культурой. Гигантский фасад университета украшает неповторимое творение Давида Альфаро Сикейроса, символизирующее стремление молодости к познанию, созиданию, миру, дружбе народов, прекрасному грядущему.

В университете 17 тысяч профессоров, 1845 научных сотрудников, 6 тысяч обслуживающего персонала и 260 тысяч студентов. При университете имеется кафедра русского языка, где преподавателями работают советские специалисты. С большим упорством осваивают мексиканские студенты трудный для них язык, но тем не менее добиваются успехов, чему способствуют поездки в нашу страну, которые регулярно проводит Общество дружбы «Мексика — СССР».

В министерстве сельского хозяйства и водных ресурсов Мексики я познакомился с одним из студентов этой кафедры Ромеро. В свободное от учебы время он переводит с русского на испанский и с испанского на русский переписку этого ведомства с советскими организациями.

— Выбор иностранного языка в вашем университете, — спрашиваю Ромеро, — происходит добровольно или принудительно?

— Абсолютно добровольно!

— Почему вы выбрали русский?

— Много причин. Советы отца. Симпатии к России. Ваша передовая наука. Я, например, хочу стать мелиоратором. Для этой профессии в Мексике непочатый край работы, а у вас мелиорация достигла огромных успехов. Есть чему поучиться.

— Многие ли студенты вашего университета изучают русский язык?

— За последние годы наметилась тенденция к их увеличению. Я знаю студентов, которые отдают предпочтение не английскому, а русскому языку. Доводы у них такие же, как и у меня. Существует и еще одна причина. Из Москвы приехали очень хорошие преподаватели — значит, не зря будем тратить время... Очень хочется, — продолжил Ромеро, — побывать в СССР зимой. Для нас это такая же экзотика, как, наверное, для вас тропики. И наконец, советские ребята и девчата поражают мир своими спортивными достижениями. Хотелось бы узнать, как это им удается...

Затем Ромеро спросил меня, не посещал ли я музей великого мексиканского художника Диего Риверы, большого друга Советского Союза?

— Собираюсь, — ответил я, — но мне нужен хороший гид.

— Читайте, — улыбаясь, сказал Ромеро, — что он у вас уже есть. Когда поедем?

— Да хоть сейчас!

— Так, значит, в путь!

Мы подъезжаем к дому, который во всей округе не похож на другие. Он впитал в себя древнюю индейскую архитектуру и модернизм. Пропорции того и другого стиля были продуманы самим Диего Риверой и оказались очень гармоничные.

— Здесь, — поясняет Ромеро, — художник жил и работал. После его смерти осталось завещание, в котором Диего Ривера просил дом и студию передать обществу не только в память о его творчестве, но и для того, чтобы публика могла увидеть собранную художником уникальную коллекцию предметов быта и ритуалов древних индейских цивилизаций.

В залах музея настенные фрески и картины, выполненные рукой Диего Риверы. Все они имеют одну отличительную черту: воспевают духовную и физическую красоту человека, величие его созида-

тельного труда, устремленность к прогрессу и неизбежность победы всего передового над отживающим.

— Ривера, Сикейрос, Ороско — выдающиеся мексиканские художники, — поясняет Ромеро, — были зачинателями монументальной настенной живописи. В своих работах они использовали фресковую технику доиспанского периода, а с тридцатых годов начали работать синтетическими красками. Эпические росписи Диего Риверы как бы воскрешают мотивы древнего индейского искусства. В орнаментально-плоскостной композиции он зажигает новым ярким светом могучую пластику человеческого тела и окружающих его предметов.

Мой гид, который, как оказалось, сам увлекается живописью, блеснул глубокими знаниями изобразительного искусства, но не встретил интересного для себя собеседника, так как я в этой области обычный дилетант. Вместе с тем меня очень заинтересовал жизненный путь Диего Риверы, формирование его мировоззрения, которое привело славного сына мексиканского народа в ряды коммунистической партии.

Задолго до революции в Мексике и России Диего Ривера часто бывал в Париже, дружил с Пабло Пикассо. Как-то он познакомился с русским поэтом Максимилианом Волошиным, стал с ним часто встречаться. В воспоминаниях известной русской художницы М. П. Воробьевой-Стебельской рассказывается, как однажды она, М. Волошин и Диего Ривера приняли клятву братства, смешав капли своей крови в бокале шампанского и отпив из него по очереди. Вот как М. Волошин описывал своего нового мексиканского друга: «Ривера. Огромный, тяжелый. Надбровные дуги крыльями. Короткие жесткие черные волосы по всему черепу пучками, — вместительному, но местами смятому и вдавленному. Борода по щекам вокруг лица. Лицо портретов Стендаля: тяжелое и значительное. Добрый людоед, свирепый и нежный; щедрость, ум, широта в каждом жесте». Но и Диего Ривера не остался в долгу у М. Волошина, написав три его портрета. Один из них демонстрировался в 1973 году на выставке трех мексиканских художников в Москве и Ленинграде, а другие хранятся в Кокте-

беле, где находится Дом-музей М. Волошина. Об одном из этих портретов писал в советской печати Илья Эренбург: «Какой груз упорный, настойчивой плоти, но в лазурных и оранжевых цветах сколько прекрасной несерьезности, легкости, почти порхания. Розовая маска эстета из «Аполлона» и завиток курчавых волос игривого фавна».

И вот я нахожусь в здании, где жил и творил Диего Ривера. Все здесь говорит о нерасторжимой связи художника со своей родиной, индейской культурой — источниках его вдохновения и творческих сил. Полная зрелость пришла к художнику, когда он осознал свою политическую роль в социальной жизни общества, когда встал на сторону людей труда и начал бичевать антагонистический им класс буржуазии со всеми его пороками. Этим темам Диего Ривера посвятил многие свои работы, которые можно увидеть в его доме-музее.

В момент, когда я писал эти строки, раздался телефонный звонок. Генеральный директор ТАСС Сергей Андреевич Лосев, который только что вернулся из командировки в Мексику, где проходила VI сессия Международной комиссии по вопросам информации, и знал, что я пишу эту книгу, сказал: «Передо мной лежит телеграмма нашего нью-йоркского корреспондента. В ней рассказывается об интересной находке, связанной с творчеством Диего Риверы. Датирована 27 июня. Прочитай».

Вот что говорилось в тассовском сообщении: «Искусствовед Мэрилин Гози, которая проводила разбор архивных документов в запаснике Детройтского института искусств, обнаружила эскизы одной из самых известных фресок «Индустрия Детройта» мексиканского художника-монументалиста Диего Риверы. В течение длительного времени они считались утерянными. Эскизы были выполнены живописцем углем и пастелью на больших листах плотной бумаги. Эта работа была завершена Диего Риверой в 1933 году. Администрация «Форд мотор» высказала резкое недовольство по поводу того, что на ней изображен тяжелый труд рабочих одного из заводов компании. Находка детройтского искусствоведа оценивается в четверть миллиона долларов».

В 1981 году Диего Ривере исполнилось бы 94

года, но дожил он только до семидесяти. Художник тяжело заболел и решил использовать последний шанс в борьбе с опасным недугом — пройти курс лечения в московской больнице имени Боткина. Советские врачи самоотверженно боролись за жизнь нашего мексиканского друга, но медицина оказалась бессильной... Идеи, воплощенные Диего Риверой в его творчестве и кипучей общественной деятельности, продолжают жить и побеждать время, потому что он черпал их в самой глубине сердца своего народа, в международном коммунистическом и рабочем движении и дружбе народов.

...Мехико — это не только новые и древние памятники культуры, не только фиесты и корридос, фестивали и музеи. Мехико — главный политический и экономический нерв страны. Здесь находятся национальный конгресс — законодательный орган, состоящий из палаты депутатов и сената, правительство, штаб-квартиры партий, а также конторы крупных банков и монополий.

Здесь же, неподалеку от парка Чапультепек, во дворце «Лос-Пинос» живет и работает 37-й президент Мексики Хосе Лопес Портильо. (Он одержал победу на выборах, которые проводились 4 июля 1976 года.) Величественный дворец «Лос-Пинос» украшен фресками, выполненными Диего Риверой. С наступлением сумерек фасад президентского дворца и кроны близлежащих деревьев освещают искрящиеся электрогирлянды, придающие ему какую-то торжественность и праздничность. Вообще надо сказать, что вечерний Мехико по своему красочному освещению может поспорить с нью-йоркским Бродвеем, лондонской Пиккадили и Елисейскими полями Парижа. И в оформлении этого электросияния, на которое мэрия не жалеет затрат, можно еще раз убедиться, как искусно здесь подбираются не только букеты цветов, но и гармония подсветок столичной иллюминации.

Штаб-квартира правящей институционно-революционной партии (ИРП) находится в центре мексиканской столицы. Архитектурное и художественное оформление здания, его фундаментальность как бы подчеркивают прочность позиций, которая была ей уготовлена крупной буржуазией города и

деревни. Находясь у власти с момента ее создания в 1929 году, партия фактически срослась с государственным аппаратом и играет руководящую роль не только в правительстве, но и в конгрессе и местных органах власти. После того как в конце сороковых годов на планете забушевала «холодная война» и на ее волнах Мексиканская коммунистическая партия (МКП), основанная 24 ноября 1919 года, была загнана в подполье, ИРП на протяжении трех десятилетий не имела сколь-нибудь серьезной оппозиции.

МКП объединяет представителей рабочего класса, трудового крестьянства, прогрессивной интеллигенции; последовательно борется против империалистического господства США, за полную экономическую независимость страны, за демократизацию политического строя. Впервые за многие годы в легальных условиях (май 1977 года) прошел очередной XVIII съезд МКП, наметивший основные задачи партии на ближайшее будущее. Генеральным секретарем ЦК МКП избран стойкий марксист-ленинец Арнольдо Мартинес Вердуго. МКП имеет свои органы печати — еженедельник «Опосисьон» и политико-теоретический журнал «Сосиалисмо».

Среди других партий следует упомянуть партию «Национальное действие» — основная правая политическая сила, выражающая интересы наиболее реакционной части крупной буржуазии и финансовой олигархии, латифундистов и реакционного католического духовенства, тесно связанных с американским империализмом. Резко критикует либерально-реформистские мероприятия правительства. Социалистическая народная партия объединяет представителей мелкой буржуазии, интеллигенции, часть рабочих и крестьян. Прокламирует независимое развитие страны, стоит на антиимпериалистических позициях. Мексиканская партия трудящихся выступает за прогрессивно-демократические преобразования. Социалистическая партия трудящихся борется за коренные социально-политические перемены. По заявлению ее лидеров, конечной целью партии является построение социалистического общества в Мексике. За последние годы в стране возник ряд новых по-

литических партий — народная социалистическая партия большинства, революционная социалистическая партия. Обе они находятся в оппозиции к правительству, выступают с антиимпериалистических, демократических позиций.

Правительство Мексики проводит курс на укрепление политических и экономических позиций крупной буржуазии, вместе с тем осуществляя определенные мероприятия, рассчитанные на предотвращение нарастания оппозиционных тенденций и обеспечение «классовой гармонии» в стране. Оно пытается ослабить зависимость Мексики от иностранного, главным образом американского, капитала.

Внешняя политика Мексики строится с учетом позитивных изменений, происходящих на мировой арене, и направлена на укрепление политической и экономической независимости страны. Правительство Мексики предпринимает усилия по упрочению своих международных позиций, выступив с рядом позитивных инициатив по вопросам разоружения, разрядки, укрепления сотрудничества и взаимопонимания между государствами, против империалистической политики подчинения и диктата, колониализма, расизма и фашизма.

Высокий международный авторитет выдвигает Мексику в число государств, вносящих весомый вклад в дело разрядки напряженности, обеспечения мира и безопасности.

...Мексиканцы, с которыми я встречался и беседовал в те дни, производили на меня впечатление людей, чем-то крайне возбужденных. Это было вызвано ожидавшимся визитом президента США Дж. Картера, визита, который непосредственно был связан с проблемой мексиканской нефти. В те же дни Мексику посещал глава Ватикана, что всколыхнуло и активизировало католические силы в стране. И наконец, страна готовилась к выборам национального конгресса на основе политической реформы Хосе Лопеса Портильо. Все это и окунуло меня в гущу политической жизни Мексики.

Незадолго до возвращения на Родину я встретился в Мехико с одним профсоюзным деятелем и попросил объяснить суть тех новых моментов, которые появились в политике страны после выбо-

ров президента в 1976 году. Он любезно согласился ответить на все вопросы, но при условии, если я не буду указывать профсоюз, к которому он принадлежит, и его имя, так как это может создать ему определенные трудности в общественно-политической деятельности. «Если вы все же напишете о нашей беседе,— сказал он,— именуйте меня Фернандо Родригес. Когда-нибудь сам раскрою этот псевдоним, тем более я иногда им подписываю свои статьи в местной периодической печати».

— Как вы оцениваете экономический курс, проводимый в вашей стране? — задаю ему первый вопрос.

— При оценке экономического курса правительства,— ответил Фернандо Родригес,— следует учитывать такой субъективный фактор, как личность самого президента Хосе Лопеса Портильо. В отличие от многих своих предшественников он обладает большим запасом конкретных экономических знаний и является крупным специалистом в области финансов. Он самостоятельно разрабатывает конкретные экономические мероприятия, делая упор на развитие государственного сектора, ибо не связан с влиятельными кругами монополистической буржуазии.

— Дал этот курс какие-нибудь практические результаты?

— Да. Несомненно. За первые два года президентства Хосе Лопеса Портильо удалось сократить дефицит торгового и платежного балансов, приостановить рост инфляции, увеличить золото-валютные резервы. Президент делает ставку на ускоренное развитие нефтяной промышленности, увеличение экспорта сырой нефти как источника валютных резервов. Он поставил задачу сделать Мексику самообеспечивающейся страной в области продовольствия, особое внимание уделяет развитию кооперации в сельском хозяйстве, и в связи с этим сейчас в стране изучается опыт кооперирования в социалистических странах.

— Каковы взаимоотношения Мексики с иностранным капиталом?

— Курс на сделки с иностранным капиталом продолжается, и Мексика будет по-прежнему за-

нимать в международном капиталистическом разделении труда зависимое, подчиненное положение.

— Каким же путем Мексика стремится добиться экономической самостоятельности?

— Ставка делается на то, чтобы превратить Мексику в крупного мирового производителя и экспортера нефти. Во-вторых, за счет сокращения импорта как главной причины, порождавшей в прошлом дефицит торгового баланса. Теперь львиную долю средств от иностранных займов и кредитов правительство использует на цели развития, а не на покрытие дефицита платежного баланса. В-третьих, поощрение создания смешанных предприятий с участием инвестиций развитых капиталистических государств. Этот путь будет и дальше использоваться для воспроизводства промышленного продукта на расширенной основе.

— А в чем состоит суть политической реформы?

— Стремление оздоровить экономику сопровождается и мероприятиями политического характера. Они ставят своей целью смягчить внутривнутриполитическую напряженность и ослабить влияние оппозиционных сил как справа, так и слева. Активизация прогрессивных сил, требующих демократизации политической жизни, их критика существующего устройства общества и обвинения в отсутствии подлинной демократии подтолкнули правительство к принятию решения о проведении политической реформы. Она реорганизовала структуру национального конгресса. В соответствии с реформой число мест в палате депутатов увеличилось с 237 до 400. Реформа внесла изменения и в избирательную систему. Из мажоритарной (проходит кандидат, получивший большинство в данном округе) она стала пропорциональной (не располагая большинством ни в одном из избирательных округов, партия может провести своих кандидатов пропорционально общему количеству поданных за нее голосов).

В январе 1979 года мексиканские коммунисты вместе с другими прогрессивными партиями создали предвыборную коалицию. Она разработала программу, в которой провозгласила конечной

целью переход Мексики на социалистический путь развития. Коалиция потребовала в качестве первых шагов провести национализацию банков, внешней торговли, нефтехимической и фармацевтической промышленности, крупных торговых фирм, осуществить широкое участие масс в определении энергетической политики страны, ускорить передачу земель крестьянам и оказать более широкую поддержку со стороны государства кооперативным хозяйствам.

Состоявшиеся в начале июля 1979 года выборы показали, что ИРП сохранила свои руководящие позиции в политической жизни страны. На второе место вышла партия «Национальное действие». Коалиция левых партий Мексики, возглавляемая коммунистами, уверенно заняла третье место среди семи политических сил, официально участвовавших в выборах нового состава палаты депутатов. Это большое достижение, если учесть, что Мексиканская коммунистическая партия впервые за 30 лет участвует в выборах.

Перед Мексикой стоит много острых социальных проблем, радикальное решение которых затрудняется американским капиталом и его внутренними союзниками в этой стране. «Бедная Мексика,— можно часто услышать от ее жителей,— она так далеко от бога и так близко от Соединенных Штатов». Бывший президент Гватемалы писатель Хуан Хосе Аревало образно охарактеризовал неравноправные отношения США со странами Латинской Америки, как «отношения между акулой и сардинками». Но это было сказано сорок лет назад. Сейчас же в Мексике, вспоминая слова Аревало, замечают, что времена уже изменились и у «сардинок» отросли довольно острые зубы, так что «акуле», как это видно по последним событиям в Никарагуа и Сальвадоре, уже с ними трудно совладать.

Я встречался в Мексике с представителями самых разных слоев общества — от крестьян и рабочих до руководящих деятелей, и из бесед с ними вынес заключение, что отношения между двумя соседними странами носят чрезвычайно сложный характер. Мексиканцы до сих пор хранят в памяти захватническую войну прошлого столетия,

когда США отторгли значительные территории Мексики. Северный сосед захватил у Мексики Техас, Нью-Мексико, Аризону, Калифорнию, Юту, Неваду и часть Колорадо. Мексиканцы также не могут забыть американских бомбардировок Тампико в 1914 году, они не могут не видеть в наши дни прямого и косвенного вмешательства США во внутренние дела их страны. Ни одна другая граница в мире, говорят они, не свидетельствует столь ярко о пропасти, разделяющей государства, как граница между США и Мексикой, проходящая по реке Рио-Гранде.

...В столичном мотеле «Парк-Вилла», где я жил, находилось много американцев. Они обычно приезжают из США на своих автомашинах, а мотелей в центре города не так уж много. Все жители «Парк-Вилла», как правило, встречались по утрам, за завтраком, в небольшой пристройке рядом с садом. Через несколько дней я уже знал всех в лицо, а с некоторыми познакомился. В основном, это были представители фирм и мелкие бизнесмены.

Как-то завтракаю за одним столиком с техасцем. Знакомимся. Настроение у него было явно неважное: «И яичница недожарена, и кофе отвратительный».

— По-моему,— говорю ему,— все прекрасно. Вы чем-то, наверное, расстроены?

— Да, вы правы,— сказал он со вздохом и явно обрадовавшись случаю, чтобы высказать все, что накопилось в душе.— Целую неделю бьюсь с одним контрактом, а мексиканцы тянут. На чем-то хотят надуть меня. Все время ссылаются то на один, то на другой закон, принятый недавно в их стране. Но не выйдет! Еще неделю проторчу в этом проклятом городе, но добьюсь своего.

— А почему вы считаете, что они хотят надуть вас?

— Я представляю строительную фирму, которая желает закупить здесь базальт. Вместо того чтобы иметь дело непосредственно с партнером, то есть с таким же бизнесменом, я точу лясы с чиновниками, которые нагло вставляют в контракт оплату непонятных статей, просто не имеющих никакого отношения к бизнесу.

— Но, как вы сказали, они действуют в соответствии с законами. Что же вас не устраивает?

— Я вам говорил, что имею дело не с коммерческим партнером, а с государственной бюрократической системой. Да что объяснять, вы все равно, как я вижу, в этом деле ничего не смыслите...

Техасец был недалеко от истины, и я решил все-таки попытаться понять вопросы, которые неожиданно возникли в ходе нашего короткого разговора. Вспомнил об инженерере Юстино Фернандесе, мексиканском туристе, посетившем нашу страну. Он вручил мне свою визитную карточку во время перелета из Москвы в Мехико и просил воспользоваться в случае необходимости его помощью. Позвонил по телефону. Он тут же приехал в мотель и увез меня к себе на квартиру. Дома переполох. Жена накрывает стол. Дочери переставляют мебель. Один за другим к Юстино приезжают родственники и друзья. Все они интересовались жизнью нашей страны и буквально засыпали меня вопросами, но Юстино почему-то считал необходимым самому на них отвечать.

— Юстино! — наконец воскликнул кто-то из его друзей.— Ты нам уже все это сто раз рассказывал. Дай открыть рот гостю. Он, наверное, лучше тебя знает Советский Союз.

Ответив на один вопрос, я тут же получал еще три дополнительных. Их интересовало все, буквально все. Наконец гости стали разъезжаться, и я обратился к Юстино с просьбой ответить, наконец, и на вопросы, которые меня интересовали. Он был полон внимания.

— Скажите мне, Юстино,— начал я,— трудно ли какой-нибудь американской фирме заключить в Мехико контракт, ну, скажем, на поставки базальта?

— Вот это вопросик! — удивленно воскликнул Юстино.— Не впусую провели эти дни в Мехико, кое-что узнали...

Я объяснил ему суть дела, рассказал о встрече с техасцем.

— Еще в тридцатых годах,— сосредоточившись, начал свой рассказ Юстино,— президент Мексики Ласаро Карденас изъям мексиканские природные богатства из рук местных и иностранных монопо-

лий и создал государственный сектор нашей экономики. Затем мы начали ограничивать влияние зарубежного капитала в других сферах, проводя курс так называемой мексиканизации. Что это значит? Правительство создавало благоприятные условия для развития национальной буржуазии, скупив часть акций зарубежных фирм. А новая система налогообложения, которую недавно ввел президент Хосе Лопес Портильо, еще более затруднила деятельность иностранного капитала. Другими словами, президент взял курс на ограничение проникновения иностранного капитала и отдал этот процесс под еще больший контроль государства. Теперь перейду к вашей беседе с техасцем. Если бы его фирма покупала базальт до введения закона о налогах и не у государства, а у такой же частной мексиканской фирмы, то ее прибыли были бы больше. Сейчас же введен дополнительный налог, который поступает в государственную казну. Вот они и злятся, что не могут грабить Мексику, как раньше.

— А какие отрасли хозяйства сейчас составляют основу государственного сектора?

— Государство контролирует 97 процентов добычи нефти и газа, 90 процентов энергетических мощностей, 85 процентов продукции нефтехимической промышленности, 40 процентов выплавки стали. Правительство установило долю иностранных акционеров на уровне не более 49 процентов.

— В каких отраслях сейчас занимает господствующие позиции иностранный капитал?

— В автомобилестроении, электромашиностроении, фармацевтической, пищевой, табачной промышленности. На долю США приходится 80 процентов иностранных капиталовложений. Около тысячи американских фирм имеют в Мексике свои филиалы. Большая часть остального капитала приходится на Японию и ФРГ. Однако позиции иностранного капитала в экономике страны, благодаря усилиям Хосе Лопеса Портильо, уже не являются доминирующими. Ему противостоит национальная промышленно-финансовая олигархия и все более набирающий силы государственно-капиталистический сектор.

— Создаются ли на пути проникновения ино-

странного капитала какие-либо препятствия?

— Идет упорная борьба. Одни президенты уступали иностранному капиталу, другие оказывали сопротивление, как это делает сейчас Хосе Лопес Портильо. Правда, задача у него крайне сложная. Не так уж легко проводить финансовое противоборство с могущественным американским капиталом. Пока Мексика отстаивает свои позиции, но монополии США могут и разъяриться, особенно сейчас, когда они испытывают такой острый энергетический кризис.

В заключение Юстино Фернандес сказал, что отражением этого, несомненно, явится визит в Мексику президента США, визит, который связан непосредственно с энергетической проблемой.

Стрессы нефтяного нерва

Каждый раз, когда я посещал официальные этажи Мехико, общественные организации и публичные места, всюду люди горячо друг другу что-то доказывали, спорили. Что же их так волновало в эти дни? А дело, оказывается, было в том, что ожидался приезд президента Соединенных Штатов Джимми Картера. Американская печать сообщала об этом как о «визите дружбы» главы соседнего государства. Мексиканцы же, с которыми я беседовал, выражали крайнее беспокойство, утверждая, что на протяжении всего нынешнего столетия все неприятности их страны приходили с севера. Оттуда двигались захватчики, которые по частям отчленяли территорию Мексики, а монополии пытались взять под свой контроль ее экономику и природные богатства. Местная пресса в канун визита Дж. Картера связывала воедино следующие обстоятельства: энергетический кризис США, вызванный потерей иранской нефти, повышением цен на «черное золото», которое провели страны ОПЕК, и открытие в Мексике огромных энергоресурсов, равных, как утверждают специалисты, запасам Саудовской Аравии. В связи с событиями в Иране перспективы получения нефти из Мексики занимают все более важное место в планах Вашингтона. Совет национальной безопасности США называет

Мексикю «самым перспективным новым источником жидкого топлива в 80-х годах». Комментаторы, обозреватели и мои собеседники не оставляли и тени сомнения в том, что во время визита Картера в их страну будет оказан нажим, который открыл бы Соединенным Штатам шлюзы к нефтяным богатствам южного соседа.

Я еще раз воспользовался гостеприимством мексиканского инженера Юстино Фернандеса. Заранее попросил его подготовиться к серьезной беседе по нефтяной проблеме.

— Я,— через несколько дней сообщил мне Юстино по телефону,— во всеоружии и жду вас дома сегодня вечером.

— А будут еще, кроме меня, гости? — с опаской спросил я, подумав о том, что срок моей командировки стремительно подходит к концу, а дел — непечатый край.

— Не беспокойся,— ответил он,— мы будем вдвоем. Жена, дети и все наши друзья уехали на уик-энд в Акапулько.

Через час мы встретились. Юстино, как и подобает мужчине, избалованному вниманием супруги, что-то пережарил на кухне и разбил два стакана. Мы оба ползали по ковру, тщательно выбирая осколки из его ворсинок. Юстино опасался не гнева супруги, а как бы дети, которые привыкли дома ходить босыми, не поранили ноги.

— Ну,— облегченно вздохнув, сказал Юстино,— теперь все в порядке. Угощайся, задавай вопросы.

— Когда была впервые открыта мексиканская нефть? Какую роль это сыграло в жизни страны?

— Это случилось,— отвечал Юстино,— в 1904 году. Первые скважины забили в Эбано и Поса-Рика. Но Мексика оказалась не в состоянии воспользоваться этим открытием. Нефть тут же прибрали к рукам американская монополия «Стандарт ойл» и англо-датская «Ройял-датч-Шелл». Однако в 1938 году дальновзоркий президент нашей страны Ласаро Карденас бросил вызов иностранному капиталу, национализировав нефтяную промышленность. Монополии не желали сдаваться, но постепенно, по мере истощения нефти в Эбано и Поса-Рика, начали терять интерес к этим месторождениям. А когда недавно на полуострове Юкатан и в континен-

тальном шельфе были обнаружены новые месторождения нефти и природного газа, американские монополии снова перешли в наступление.

— Как развивалась отечественная нефтяная промышленность после 1938 года?

— Еще при президенте Ласаро Карденасе была создана нефтяная компания «Петролеос Мехиканос», или сокращенно «Пемекс». Она начала готовить национальные кадры нефтяников, посылая молодежь за границу в высшие учебные заведения. «Зачем вы тратите такие средства на подготовку специалистов, которые вам не понадобятся?» — спрашивали иностранцы. Одни из чистого любопытства, а другие с издевкой. Тем временем наша страна накопила кадры, создала свои учебные заведения и приступила к широким поисковым работам, а когда эти усилия дали результаты, началось постепенное освоение новых скважин нефти и природного газа.

— И как повел себя в этот момент Вашингтон?

— Шесть американских компаний и «Пемекс» сели за стол переговоров. Они в принципе пришли к соглашению о поставках мексиканского газа в США, и мы приступили к строительству газопровода от южного штата Табаско до Рио-Гранде, практически через всю страну. Нам обещали кредиты на льготных условиях и соответствующую цену за газ. Но Вашингтон воспротивился этому соглашению и решил увильнуть от своих обещаний, приведя в действие политические и экономические рычаги. Сигнал к этой кампании подал министр энергетики США Д. Шлесинджер (позднее, в период обострения кризиса доверия американскому правительству, он и многие другие министры были выведены из его состава). Затем США в одностороннем порядке объявили о введении пошлин на 87 видов мексиканских товаров, что свело на нет и заключенное ранее торговое соглашение между нашими странами.

— В чем конкретно выразились расхождения?

— На переговорах, которые вела компания «Пемекс», американцы согласились платить за тысячу кубических футов газа 2,6 доллара. Но позднее Шлесинджер сократил эту цену до 1,7 доллара. В результате сделка не состоялась.

— А что произошло с газопроводом?

— «Пемекс» решила использовать газопровод для внутрихозяйственных целей, с тем чтобы перевести работу промышленных предприятий с жидкого топлива на газ, а освободившуюся нефть пустить на экспорт для поступления твердой валюты. Как вы понимаете, она была необходима для дальнейшего освоения нефтепромыслов. Строительство 1000-километрового внутреннего газопровода уже близится к завершению¹. С 1975 года мексиканская нефть впервые пошла на экспорт, с 1976 года ее разведанные запасы увеличились с 6 миллиардов баррелей (один баррель равен 159 литрам) до 40 миллиардов.

— Где обнаружены новые месторождения и какого они размера?

— Район Чиконтепека на побережье Мексиканского залива, под тропическими болотами Табаско и Чиapas. Директор компании «Пемекс» Хорхе Диас Серрано характеризует только одно месторождение Антонио Бермудес в Табаско как «сверхгигантское». Другое вновь открытое месторождение Самария в районе Реформа (назван так в честь мексиканской революции) дает около 300 000 баррелей в день. Также открыты весьма перспективные месторождения природного газа в бассейне Сабинас на севере Мексики. Потенциальные запасы нефти по прогнозам специалистов должны составить около 300 миллиардов баррелей, что и позволяет сравнивать Мексику с Саудовской Аравией. Однако добраться до пластов нефти и приступить к ее разработке не так-то просто. Во-первых, это требует огромных затрат, и, во-вторых, почвы многих нефтеносных районов в отличие от аравийских глинистые, что затрудняет бурение скважин.

— Каковы же сейчас планы «Пемекса»?

— Как-то Диас Серрано, имея в виду, конечно, американцев, сказал: «Нам предлагали заключить контракты, обещая взять на себя часть риска. Однако риска здесь не существует. Мы знаем, где найти нефть». Национальные мексиканские кадры

¹ Он вступил в действие 18 марта 1979 года, в день 41-й годовщины национализации нефтяной промышленности Мексики.

компании «Пемекс» разработали технологию и по бурению скважин, и по добыче нефти. А в это время иностранные банкиры наперебой предлагают нам свои услуги. Начался буквально мексиканский нефтяной бум. Этот бум полностью входил в планы правительства. Оно считает, что энергоресурсы страны помогут преодолеть последствия тяжелого экономического кризиса 1975—1977 годов и дадут средства, которые позволят покрыть внешний долг, составляющий 30 миллиардов долларов. Кроме того, правительство надеется за счет интенсивной разработки месторождений нефти и газа сократить рост безработицы.

— А как относятся к внешнему долгу Мексики американские монополии?

— О,— ответил Юстино,— интересный вопрос. Дело в том, что они используют этот долг как один из мощнейших рычагов давления на Мексику.

— Ну хорошо, нефть и природный газ находятся под полным контролем государственного сектора. Это понятно. А как решается вопрос, если нефть или природный газ будут обнаружены на территории частного землевладельца? Может ли он начать свои разработки или продать участок с месторождением, допустим, американской монополии?

— Об этом заблаговременно подумало наше правительство, и по его рекомендации конгресс принял поправку к конституции, разрешающую государству автоматически экспроприировать любой земельный участок, в котором нуждается «Пемекс» для проведения буровых работ. Согласно же плану кампании, она должна на протяжении ближайшего десятилетия пробурить 16 000 скважин на общей территории, которая по своим размерам равна приблизительно площади одного среднего мексиканского штата.

— Как относятся США к открытию новых месторождений нефти в Мексике?

— Вашингтон откровенно пытается оказывать давление на нашу страну, с тем чтобы получить доступ к мексиканской нефти на выгодных условиях. И он этого не скрывает. То есть, другими словами, Соединенные Штаты хотят добиться такого соглашения, которое гарантировало бы им возможность пользоваться существенной частью мексиканской

нефти и природного газа. Это имеет для США стратегическое значение, потому что таким образом монополии и американское правительство получают еще большие возможности для влияния на международную политику цен, для ослабления Организации стран — экспортеров нефти и достижения преимуществ в торговом соперничестве с другими странами Запада. При этом, — продолжал Юстино, — США используют в нефтяных переговорах с Мексикой рычаги нашей экономической зависимости от них. Эти рычаги довольно мощные: на США падают две трети объема нашей внешней торговли и три четверти иностранных капиталовложений, американцы составляют 90 процентов иностранных туристов, приезжающих в Мексику, свыше миллиона мексиканских брасерос¹ ежегодно пересекают границу США в поисках работы.

Время было уже позднее. Юстино сказал, что надо отдохнуть, так как рано утром он поведет машину в Акапулько. В субботу, добавил он, на горных дорогах будет твориться сумасшествие. Прощаясь со мной, он дал папку с вырезками из газет, порекомендовал их прочитать, а в случае если возникнут вопросы, обратиться к нему снова.

Вскоре после возвращения из Акапулько Юстино заболел, и его положили в госпиталь.

В эти дни как раз и состоялся визит Джимми Картера в Мехико. За несколько дней до вылета из Вашингтона президент Картер заявил журналистам: «Мы остро осознаем необходимость установления более тесных деловых отношений между нашей страной и Мексикой по широкому кругу проблем». Американцы хотели перед переговорами на высшем уровне в Мехико прощупать позиции президента Хосе Лопеса Портильо. С этой целью корреспондент «Нью-Йорк таймс» оказался в самолете, на котором глава мексиканского государства возвращался в столицу из поездки в Вилья-Эрмосу. Во время полета состоялось интервью, выдержки из которого мне хотелось бы привести.

¹ Б р а с е р о — мексиканский безработный (главным образом из сельской местности), который мигрирует в США в поисках работы. Брасерос — множественное число этого слова.

Вопрос: Г-н президент, каковы, по вашему личному мнению, основные проблемы в отношениях между США и Мексикой?

Ответ: Это традиционные проблемы, которые всегда вытекают из самого факта взаимоотношений между двумя странами: они связаны с торговлей, финансированием, валютными делами и движением населения.

Вопрос: Сможет ли когда-либо Мексика заменить ближневосточные страны в качестве важного поставщика нефти в США?

Ответ: Я не рассматриваю освоение нефтяных богатств Мексики как одну из задач по обеспечению потребностей США в нефти. Я подхожу к этому под углом зрения нашего собственного национального развития. Мексика рассчитывает осваивать свои запасы нефти с учетом собственных национальных интересов... Мы должны использовать нефть в интересах национального строительства, применять поступления от продажи нефти для своего роста, решать такие проблемы, как борьба с нищетой и безработицей.

Вопрос: Отводится ли американским компаниям какая-либо роль в оказании Мексике помощи при освоении ее нефтяных месторождений?

Ответ: Ответ на этот вопрос дает наша конституция. Нефть — достояние всей страны, и только правительству и его ведомствам разрешено вести поиски нефти в Мексике и осваивать нефтяные месторождения. Единственная нефтяная компания, действующая в Мексике, — это «Петролеос Мехиканос».

Ясные и точные ответы Хосе Лопеса Портильо уже предвещали тот факт, что Джимми Картер вернется из Мехико в Вашингтон с пустыми руками. Но США не теряли надежд. Центральное разведывательное управление (ЦРУ) приступило к составлению аналитического меморандума № 41, в котором указывалось, что «для США Мексика может стать крупным новым источником получения энергоресурсов, который в настоящее время не принадлежит к ОПЕК». Начали раздаваться и такие голоса: «Да что там разговаривать с Мексикой — ввести туда войска и решить проблему», «все равно без нашей технической помощи Мексика не освоит нефтяные месторождения». Тут же компания «Пемекс»

опубликовала официальный доклад, в котором говорилось, что она в состоянии увеличить добычу нефти без помощи извне. И результаты уже налицо: Мексика получила в 1978 году от продажи нефти чистую прибыль в размере 1,5 миллиарда долларов! В последующие годы она беспрерывно росла.

В это же время одни мексиканские газеты напоминали США, что нефть в их стране находится в руках государства, а не частного капитала и поэтому им не удастся навязать Мексике кабальные соглашения; другие газеты гневно писали о том, как вообще США могут идти на переговоры в тот момент, когда тexasская полиция избивает брасерос, а власти не дают им работы; третьи требовали прекратить американское вмешательство во внутренние дела Мексики.

Американский журнал «Бизнес уик», учитывая все эти настроения, выступил со статьей, в которой с горечью писал: «Американских специалистов по энергетическому планированию, политиков и ученых, которые рассчитывали на поток нефти из мексиканских скважин как на решение энергетических проблем США, ожидает неприятное пробуждение».

Каждый день по улицам Мехико проходили многотысячные демонстрации в защиту природных ресурсов и суверенитета страны. Мне довелось увидеть 20-тысячный митинг, который состоялся в центре Мехико у памятника президенту Ласаро Карденасу. Выступившие на нем рабочие и служащие, студенты государственного университета, представители различных политических и профсоюзных организаций потребовали от правительства Мексики проявить твердость на предстоящих переговорах и не допустить расхищения монополиями США мексиканских нефти, газа и урана.

— После того как в нашей стране были обнаружены крупные запасы нефти, правительство США откровенно пытается оказывать давление на Мексику с целью получить доступ к природным ресурсам на выгодных для себя условиях,— заявил, выступая на митинге, генеральный секретарь объединенного профсоюза ядерной промышленности Артуро Уэйли.— Мексиканцы требуют, чтобы имеющиеся в стране запасы нефти, газа и урана исполь-

зовались рационально в интересах народа и экономического развития страны, а не служили бы империалистическим интересам США.

Делегация Мексиканской коммунистической партии посетила министра иностранных дел Хорхе Кастаньеда и высказала ему от имени рабочего класса и крестьянства страны решительное требование не идти ни на какие уступки североамериканскому капиталу в ходе переговоров на высшем уровне. Хорхе Кастаньеда заверил делегацию, что правительство не отойдет от своей справедливой позиции и не позволит, чтобы его шантажировали на переговорах.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному в Мексике газетой «Лос-Анджелес таймс», 75 процентов опрошенных заявили, что политика США направлена на то, чтобы «доминировать в Мексике и эксплуатировать ее богатства».

...И вот глава Белого дома прибыл в Мехико. Кордоны полиции преграждали путь демонстрантам к магистрали, по которой президент США должен был следовать в свою резиденцию. Встреча Джимми Картера и Хосе Лопеса Портильо в столичном аэропорту, как единодушно отметили местные и иностранные корреспонденты, была самой прохладной из всех, оказывавшихся здесь американским президентам.

Чем же закончились двухдневные переговоры между Дж. Картером и Хосе Лопесом Портильо? Тот же Алан Райдинг в газете «Нью-Йорк таймс», подводя итоги переговоров, писал: «Во время визита Картера в Мексику главы двух государств, вероятно, впервые встретились без бурных восторгов по поводу того, что они «такие добрые соседи». Однако — тоже впервые — обе стороны смело признали напряженность в своих отношениях... Лопес Портильо был откровенен, когда публично сетовал на «обман», «злоупотребления», «несправедливость» и «пренебрежение к Мексике со стороны США». Другая американская газета «Крисчен сайенс монитор» приходит к вполне справедливому выводу: «Холодный прием, оказанный Дж. Картеру, свидетельствует о раздражении Мексики политикой США к этой стране». По мнению газеты «Соль де Мехико», не удалось добиться никаких конкретных

результатов в вопросе о поставках мексиканской нефти в США, который был главным в повестке дня встречи глав двух соседних государств. Горячее одобрение среди широких кругов местной общественности вызвала принципиальная и твердая позиция на переговорах президента Хосе Лопеса Портильо.

Однако в Вашингтоне не теряли надежд осуществить задуманные планы. Об этом свидетельствует проходившее в Мехико через три месяца после визита Джимми Картера межпарламентское заседание законодателей двух стран. Снова в ходе этой встречи американцы уделили значительное внимание обсуждению проблем, связанных с поставками мексиканского энергетического сырья в США. Американская делегация, возглавляемая сенатором Ллойдом Бентсеном, довольно открыто пыталась оказать нажим на мексиканских законодателей, требуя от них принятия мер для увеличения производства нефти, природного газа и их экспорта в Соединенные Штаты, с тем чтобы «облегчить бремя энергетического кризиса», переживаемого северным соседом Мексики.

Эти домогательства снова ни к чему не привели. Мексиканские законодатели добились включения в совместное коммюнике положения, которое гласит, что правительство Мексики и впредь будет эксплуатировать свои энергетические ресурсы, исходя прежде всего из национальных интересов, и не допустит никакого иностранного вмешательства.

В ходе заседания представители Мексики выступили также с критикой протекционистской политики Вашингтона и высказались за необходимость равноправных и справедливых торгово-экономических отношений между двумя странами. Они приводили такие данные: за последнее десятилетие экспорт американских товаров в Мексику вырос с 600 миллионов до 6 миллиардов долларов, в то время как принимаемые США меры создают барьеры на пути расширения мексиканского экспорта в эту страну, который сейчас составляет лишь 1,5 миллиарда долларов. Мексиканские законодатели вновь обратили внимание своих американских коллег на тяжелое положение брасерос в США, где

они полностью лишены элементарных человеческих прав, подвергаются дискриминации и преследованиям.

Не желая окончательно ссориться с Мексикой и ставя перед собой далеко идущие цели, Вашингтон удовлетворил требования «Пемекс» о цене за природный газ, который с января 1980 года начал поставляться в США (300 миллионов кубических футов ежедневно) по 3,62 доллара за тысячу кубических футов, что, по подсчетам экономистов, даст Мексике поступление в ее государственную казну более миллиона долларов в день. В марте того же года «Пемекс», учитывая конъюнктуру мирового рынка, повысил цену на природный газ, поставляемый в США, до 4,47 доллара за тысячу кубических футов. И снова острый энергокризис заставил Вашингтон согласиться с этой ставкой, но вместе с тем поднял шумную кампанию по запугиванию Мексики. В ответ на это министр обороны страны Феликс Гальман Лопес отдал приказ об усиленной защите мексиканских нефтяных месторождений. Тогда крупный американский банкир Роджер Андерсон в феврале 1980 года публично заявил: «Военная мощь США — гарантия защиты территориального суверенитета и энергетических ресурсов Мексики». Эта недвусмысленная тирада вызвала решительный протест пяти из семи ведущих политических партий Мексики: институционально-революционной, «Народное действие», коммунистической, социалистической народной и демократической. Они назвали утверждения банкира «циничными, оскорбительными и даже угрожающими», ибо «единственной державой, которая фактически могла бы посягать на независимость Мексики, являются именно Соединенные Штаты». Официальные представители упомянутых пяти политических партий Мексики в публичных заявлениях разоблачили позицию США, принимающих Мексику за свой «задний двор и поэтому считающих возможным совершить здесь свое военное вмешательство». Стрессы американского нефтяного нерва, проходящего вдоль Рио-Гранде, продолжают...

Все эти факты, а также мои встречи и беседы с мексиканцами каждый раз убеждали в том, что

этот славный, многое переживший народ продолжает нести в себе душевный заряд, с которым шел на крепость чужестранцев индеец Пипила, что Мексика уверенно следует по «Дороге независимости», проложенной отрядами повстанцев Мигеля Идальго, Франсиско Вильи, Эмилиано Сапаты и дальновидными президентами Бенито Хуаресом и Ласаро Карденасом.

Хотелось бы несколько слов сказать о Ласаро Карденасе. Он родился в мексиканской семье ткача-кустаря. Выдающиеся способности и природная любознательность позволили ему получить образование. Он был активным участником революции 1910—1917 годов. За заслуги в военной области ему был присвоен чин дивизионного генерала. В конце двадцатых годов становится губернатором штата Мишиорала, в начале тридцатых — военным министром, а позднее президентом республики. На этом посту он решительно выступил против засилья в Мексике иностранного капитала, национализировал нефтяную промышленность и железные дороги, более активно начал проводить в жизнь аграрную реформу, боролся против вмешательства католической церкви в политическую жизнь страны и дал возможность прогрессивным силам, в том числе коммунистам, свободно проводить свою общественно-политическую деятельность.

В 1949 году основатель Всемирного движения сторонников мира, французский ученый Фредерик Жолио-Кюри обратился к Ласаро Карденасу с предложением принять участие в этом движении. Он живо откликнулся и в последующие годы внес большой личный вклад в борьбу за всеобщий мир. В 1955 году ему было присвоено звание лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». В 1969 году Ласаро Карденаса избрали почетным президентом Всемирного Совета Мира. Но годы, отданные борьбе за светлые идеалы человечества и свободу своей родины, подточили его силы... Вскоре он скончался, сохранив о себе самую добрую память благодарного мексиканского народа и всех, кто с ним участвовал в одном из благороднейших общественных движений современности... У памятника Ласаро Карденасу в Мехико всегда лежат живые цветы..

Колючая проволока

Летом 1977 года я совершал поездку по Соединенным Штатам. Прилетаю в Чикаго и направляюсь в отель «Экзекьютив-Хауз». Из окна своего номера обнаружил, что напротив находится редакция местной газеты «Чикаго трибюн». Вспомнил, что был знаком с одним ее московским корреспондентом, и тут же пришла идея воспользоваться этим поводом и посетить редакцию. Все-таки интересно собственными глазами увидеть, как говорится, «кухню», где варятся и идут на потребу читателей материалы наших американских коллег.

Выхожу на улицу, но перейти на другую сторону невозможно из-за сплошного потока автомашин. Подхожу к подземному переходу и вдруг чувствую, что на мое плечо опустилась чья-то рука. Поворачиваюсь и вижу смуглого, черноволосого парня лет двадцати четырех. Его лицо обросло щетиной, волосы на голове взъерошены, глаза воспалены. Выцветшие джинсы и синяя рубашка изрядно поношены. Не иначе как наркоман, подумал я, не хватало еще таких приключений. Мои друзья, хорошо знающие эту страну, еще в Москве советовали при встрече с подобной публикой избегать пререканий и попытаться сразу же откупиться какой-то суммой денег, даже самой небольшой. В противном случае эти неумолимые люди в момент приступа могут пойти на любое преступление.

Незнакомец что-то говорил мне по-испански. Вынимаю десять долларов, кладу в его ладонь и направляюсь обратно в отель. Но он догоняет и протягивает руку к карману моего пиджака. Прибавляю шаг и, наконец, оказываюсь в холле «Экзекьютив-Хауз». Парень следует за мной, размахивая десятидолларовой бумажкой. На него набрасывается вооруженный детектив, которых в США специально нанимают для дополнительной охраны отелей, контор, банков, магазинов, и начинает выталкивать на улицу. Тот ему что-то с жаром объясняет.

— Оставьте его в покое, — неожиданно раздался голос молоденькой регистраторши, которая несколько часов назад вручила мне ключ от номе-

ра,— я знаю испанский язык и сейчас переведу на английский все, что он говорит.

Детектив с явным неудовольствием отошел от парня. Затем она обратилась ко мне:

— Этот парень — беженец из Мексики, брасеро, значит. Он говорит, что принял вас за латиноамериканца, у которого хотел одолжить денег для того, чтобы купить лекарство серьезно заболевшему брату. Затем он понял, что ошибся и что вы в свою очередь тоже сочли его не за того человека. Он направился за вами, чтобы вернуть деньги.

— Скажите ему,— попросил я перевести регистраторшу,— что я — советский журналист, только что прибыл в Чикаго, действительно принял его не за того человека и приношу по этому поводу свои глубокие извинения. Что же касается десяти долларов, то он может считать, что я ему их одолжил.

Узнав, что я еще буду находиться в Чикаго несколько дней, он с благодарностью посмотрел на меня, простился и выбежал на улицу.

— Верьте ему,— недовольно пробурчал детектив,— жулик он, вы что, не видите? Этих бездомных бродяг из Мексики сейчас много развелось в Чикаго.

...Как-то поздно вечером в номере раздался телефонный звонок. Услышал в трубке знакомый голос регистраторши. С нескрываемой радостью она сообщила, что мексиканец ожидает меня в холле. Спустился вниз. Парня я просто не узнал. Он весь преобразился: лицо гладко выбрито, волосы подстрижены и аккуратно зачесаны, взгляд искрился радостью. Он вручил мне конверт, в котором лежали десять долларов, и выразил большую признательность.

По тому, как держались между собой регистраторша, которую звали Елизабетт, и мексиканец, мне показалось, что это у них не вторая встреча. Перехватив мой взгляд, Елизабетт сказала:

— Его зовут Франческо. После той странной встречи мы подружились, и я помогла ему устроиться мойщиком автомашин на одной заправочной станции. Как раз сегодня Франческо получил заказ и видите как разгулялся...

— Почему,— спрашиваю ее,— вы так свободно владеете испанским языком?

— Я — американка бразильского происхождения. Мой дед бежал из Бразилии, потому что его хотели арестовать за участие в какой-то демонстрации. Скитался по разным странам, пока не попал в Соединенные Штаты. Здесь родился мой отец. Когда я была еще совсем маленькая, он работал водителем грузовика на одной фирме и погиб в автомобильной катастрофе. Живу в Чикаго с матерью.

— А каким образом судьба занесла Франческо в США?

— Вы можете подробно с ним об этом поговорить сами. Я в вашем распоряжении, так как сегодня я в ночном дежурстве и, судя по всему, оно ожидается спокойным.

— Тогда,— воскликнул я,— бегу в номер за блокнотом и заодно прихвачу кое-какие московские сувениры в память о нашей встрече.

...Франческо родился в небольшой деревушке мексиканского штата Веракрус. Когда ему исполнилось два года, а его брат Мануэль был еще грудным ребенком, умерла мать от астмы. Через пятнадцать лет хозяйство отца — потомственного мексиканского крестьянина — пришло в упадок и он разорился. Собрав последние пожитки, вместе с сыновьями отправился в Мехико. Все попытки найти постоянную работу оказались тщетными. Таких, как они, в мексиканской столице было хоть отбавляй и день ото дня становилось все больше. Кто-то посоветовал отцу перебраться в городок Таско. Там, как ему сказали, всегда можно подработать на услугах американским туристам, круглый год совершающим паломничество в это место. На окраине Таско соорудили жилье из старых ящиков и жести, собранных на свалках. Хотя от туристов кое-что и перепало, но средств на жизнь все равно не хватало. Отец старел, физические силы его иссякали, и постоянно болел Мануэль. Как-то в полном отчаянии, отец посоветовал сыновьям подумать о своем будущем и испытать последний шанс — найти работу в США. Но переход границы оказался не прост. Надо преодолеть не только проволочные ограждения, установленные американцами вдоль реки Рио-Гранде, но и иметь дело с разного рода проходимцами, превратившими переход границы в бизнес. За пятьсот долларов с человека

они доставляют брасерос в Сьюдад-Хуарес, откуда опытный «койот», так называют в Мексике контрабандистов, переправляет их через Рио-Гранде сначала в Техас, а затем в Чикаго.

Такой вариант Франческо и Мануэля явно не устраивал, так как в кармане у них не было ни гроша. Они узнали, что границу легче перейти на крайнем северо-западе Мексики в районе местечка Тихуану. Направились туда, и снова разочарование. Хотя здесь с одного человека брали меньшую сумму — сто долларов, но и это им тоже не подходило. Они принимают решение перейти границу без посторонней помощи где-нибудь вдали от населенных пунктов. Выбрали, как им показалось, подходящее место. Дождались ночи, пролезли через колючую проволоку и поползли в кустарниках. Вдруг зажглись прожекторы, в воздухе послышался рокот вертолетов, а впереди мелькнули яркие фары джипов. Оказывается, проволока не только преграждала путь, но и подавала сигналы на американские посты. Бросились что есть духу назад. Раздались выстрелы. Все же успели перебраться через проволоку, но на этот раз колючки исполосовали тело прямо до костей.

Оба в крови побрели куда глаза глядят. Попали в заросшие кустарником глухие места. Положение казалось безнадежным. Вдруг послышались какие-то голоса. Что предпринять? Выждать, а потом двигаться дальше или попросить о помощи? А если это «койоты»? Тогда несдобровать — тут же застрелят. Но голод и жгучие, кровоточащие раны оказались сильнее страха, и они пошли на голоса. К счастью, это были индейцы, возвращавшиеся с охоты. Поведали им о своих злоключениях. Индейцы предложили следовать за ними. В поселке братьям промыли раны, положили на них листья какого-то дерева и перевязали. Шли недели. Раны заживали. За доброе к себе отношение Франческо и Мануэль платили трудом. Крестьянские парни понимали толк в земледелии и этим завоевали симпатии индейцев. Спустя три месяца им сказали, что, наконец, наступило подходящее время для перехода границы. Индейцы знали такие тропы, о существовании которых американцы и догадаться не могли. Все произошло тихо и очень быстро. Фран-

ческо и Мануэль очутились в чужой стране.

Прежде всего разыскали мексиканцев. Ничего радостного они им не поведали. Начались дни тревог, унижений и борьба за существование. Убирали мусор на улицах разных городов, мыли посуду в тавернах. И за все это получали жалкие гроши.

— Тупик, в котором мы находимся,— тяжело вздохнув, сказал Франческо,— продолжает оставаться беспросветным. Никаких вестей от отца...

— Сколько,— спрашиваю Франческо,— сейчас в США таких брасерос, как вы?

— Точно не знаю, но мне кто-то говорил, что не меньше шести-семи миллионов.

— Где вы сейчас живете с братом и как он себя чувствует?

— Живем, где придется. В августе будет легче. Из Чикаго пойдём наниматься на работу к местным фермерам. Начинается уборка урожая, и они нуждаются в лишних руках. Хотя и платят мало, но дают жилье и питание. Фермеры уважают тех, кто умеет с землей обращаться. Мануэль чем-то серьезно болен, наверное, тоже астмой, как наша мать. Когда у него начинается приступ кашля, необходимо лекарство. В городе он себя хуже чувствует, чем в сельской местности. Скоро ему будет лучше.

Я обратил внимание на то, что Франческо не раз во время нашей беседы говорил о крестьянском труде с какой-то особой любовью, как бы подчеркивая, что он прежде всего сын земли.

— А не хочешь ли ты,— спрашиваю Франческо,— овладеть какой-нибудь рабочей профессией?

— Это невозможно. Нас никто не будет учить. Даже если мы сами приобретем какую-то квалификацию, работу найти трудно, и нас не примут в профсоюз, так как здесь, в Америке, профсоюзное руководство куплено предпринимателями.

— Что вы будете делать зимой? В Чикаго, насколько мне известно, выпадает снег и жить «кое-где», да еще южанам — мексиканцам, будет трудно?

— Отправимся в Калифорнию. Там климат такой же, как у нас на родине.

— Чем же вы там займетесь?

— Подсобной работой, конечно, если ее удастся найти. Но у меня лично в Калифорнии приба-

вится еще и общественная деятельность. Мне предложили вступить в движение чиканос.

— А что такое чиканос?

— Слово «чикано» означает «мексиканец». Так американцы уже давно презрительно окрестили людей нашей страны. Чиканос — это множественное число, то есть мексиканцы.

— Какая разница между брасеро и чикано?

— Брасеро — это слово чисто мексиканского происхождения. Так называют тех безработных, которые, как мы, мигрируют в Соединенные Штаты. Здесь же словом «чикано» называют и тех мексиканцев, кто только что прибыл в США, и тех, кто составляет коренное население штатов Техас и Калифорния. Вы, наверное, знаете, что эти территории гринго захватили у Мексики в прошлом веке. Вот почему брасерос не признают границу на Рио-Гранде и считают, что Техас и Калифорния — это их родные земли.

— А знаете ли вы, — обратилась ко мне Елизабетт, — что США используют проблему брасерос для давления на Мексику по нефтяной проблеме? С одной стороны, их насильственно высылают в Мексику, а где они там найдут работу? А с другой — сажают в американские тюрьмы. Недавно правительство США обратилось в сенат с запросом о выделении 32,5 миллиона долларов на строительство в Лос-Анджелесе новой тюрьмы для брасерос.

...Прощаясь, Франческо вынул из заднего кармана джинсов небольшую брошюру и дал ее мне.

— Вы можете ее взять себе, — сказал он. — Брошюра на английском языке, и она ответит на ваши вопросы гораздо лучше, чем это сделал я.

Брошюра озаглавлена «Движение чиканос». В ней говорится, что мексиканцы, живущие на территории Соединенных Штатов, должны пользоваться равноправием. Они, так же как американцы, внесли большой вклад в экономическое развитие США. Мексиканцы дали Америке хлопководство и овощеводство, строили крупные промышленные предприятия в Чикаго и Детройте, а также железные дороги. Но в годы экономического кризиса 30-х годов Вашингтон забыл об этом и решил всю вину за свои потрясения возложить на мексиканцев. Они стали объектом расовой и политической

дискриминации. Американские власти начали насильственно изгонять в Мексику чиканос — уроженцев юго-запада США, а на дверях ресторанов и других публичных мест появились объявления: «Не пускаем собак, негров и мексиканцев». Все это дало толчок к объединению чиканос и началу их политической борьбы за свои гражданские права. В 1967 году была составлена «Программа движения чиканос», в которой записано, что это движение «не только наделено высокой ответственностью, но и представляет собой самое горячее и откровенное чаяние и стремление чиканос к Ацтлану». По индейским сказаниям, Ацтлан — это легендарная святыня, откуда ацтеки двинулись на центральное плоскогорье. Ацтлан находился на нынешнем юго-западе Соединенных Штатов, то есть в том самом краю, который был насильственно отторгнут от Мексики силой оружия. В 1970 году движение чиканос опубликовало «План Санта-Барбара», в котором говорится:

«В жизни как народа, так и отдельных личностей наступает момент, который диктует необходимость исторического осмысления действительности. Ныне настал час для возрождения чиканос. Мы возвышаем голос в защиту нашего мышления и самоопределения. Мы преисполнены решимости воплотить в жизнь наши исторические устремления. Мы направляем нашу волю на продвижение по пути свободы, против всего того, что противостоит нашим идеалам раскрепощения и человеческого достоинства. Поиски нашего самовыражения в сфере свободы и культуры — это борьба, которая обогатилась историческим прошлым и стала исторической необходимостью.

На протяжении долгих десятилетий чиканос боролись за воплощение в жизнь «американской мечты». Некоторые и весьма малочисленные этого добились. Однако конечная цена, которую пришлось уплатить за ассимиляцию, — это предательство наших интересов на самых различных уровнях — от каждого жилища до всей общины. А между тем жилище и квартал, район и округ, вплоть до масштабов всей общины — все эти ячейки и составные части нашего существования из-за расовой ненависти общества, различий в социально-эконо-

мической жизни подвергались эксплуатации и гонениям.

Отсюда вытекает, что самоопределение нашей общины в США — это единственный императив, способный объединить наши социально-политические усилия. В этом существо проблемы чиканос. И в настоящий момент слово «чикано», которое когда-то играло роль презрительной клички, превратилось в боевой девиз, под которым разворачивается наша борьба».

...Спустя два года, готовясь к поездке в Мексику, я вспомнил о встрече с Франческо и внимательно прочитал записи из своего чикагского блокнота. Возник целый ряд вопросов, связанных с проблемой брасерос, которая переросла чисто национальные рамки Мексики. Что касается США, то их отношение к этой проблеме очевидно хотя бы из содержания беседы с Франческо, но как на эту проблему реагирует Мексика? Пожалуй, лучший ответ может дать интервью президента Хосе Лопеса Портильо американскому журналу «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», часть которого мне хотелось бы привести здесь.

Вопрос: Г-н президент, почему так много мексиканцев бегут из вашей страны и нелегально проникают в Соединенные Штаты?

Ответ: Они не бегут: они ищут работу. Они ищут работу за пределами Мексики, поскольку не могут найти приличной работы здесь.

Вопрос: А что можно сказать о мексиканской армии и полиции? Пытаются ли они прекратить нелегальную иммиграцию?

Ответ: Забудьте о полицейских мероприятиях. Они не помогают и никогда не помогут. Эти люди не преступники. Это обычные люди, ищущие работу. Наша армия не имеет никакого отношения к мигрантам, а задача полиции — поддержание законности и порядка. Мы не можем предотвратить миграцию административными мерами. Мы можем выдавать или не выдавать выездные документы, и те, у кого нет документов, все равно поедут, не смотря на риск.

Вопрос: Почему вы не закроете границу?

Ответ: Я не думаю, что я могу или мне следует закрыть ее. Это не выход. Наши две страны имеют

экономические взаимоотношения, которые требуют переезда людей с одной стороны границы на другую.

Вопрос: Может быть, наказание тех американских нанимателей, которые используют нелегально выехавших рабочих, помешало бы иммиграции мексиканцев в США?

Ответ: Может быть, но мы имеем дело с экономической, а не с политической проблемой. Правильный подход состоит не в том, чтобы тратить деньги на полицейские силы, а в том, чтобы поставить на более равноправную основу наши торговые отношения.

Вопрос: Население Мексики может намного превысить 100 миллионов к 2000 году. Что вы тогда будете делать?

Ответ: Я верю, что в долгосрочной перспективе наша страна может решить свои проблемы собственными силами. Однако части населения, возможно, придется эмигрировать, как в свое время часть населения Европы эмигрировала в США. Это помогло и Европе, и США. Мексиканский эмигрант едет на север работать. Он не преступник.

По-своему он способствует прогрессу Соединенных Штатов».

Но Вашингтон не желает с этим согласиться и ведет против чиканос изуверскую расистскую борьбу. Американский адвокат Эстер Эстрада опубликовал недавно описание десятков случаев жестокого обращения полиции с американскими гражданами мексиканского происхождения. Так, Роберт Фернандес был убит прямо в квартире, Исраэля Родригеса утопили, Рикардо Моралеса застрелили в упор, когда он по найму перевозил груз. Двенадцатилетнего Сантоса Родригоса полицейский убил выстрелом в голову, когда тот в наручниках сидел на заднем сиденье полицейского патрульного автомобиля. «Эти выстрелы попадают во всех нас», — писал выходящий в Нью-Йорке журнал движения чиканос «Нуэстро».

Расизм в отношении чиканос культивируется в США не только полицией. Их дискриминация имеет место повсюду, особенно на юго-западе США. В Техасе чиканос получают самую низкую в Америке зарплату. При этом они выполняют самую черную

работу, трудятся в самых плохих и вообще опасных условиях. Они работают домашней прислугой в предместьях Вашингтона, мойщиками посуды в Нью-Йорке, мусорщиками в Денвере, садовыми рабочими в Чикаго, где одних только брасерос насчитывается около 250 тысяч. В чикагских барах на 18-й улице или на Блю-айленд-авеню различные проходимцы продают брасерос фальшивые паспорта, страховые полисы, водительские права, справки о прохождении медицинского осмотра, метрические свидетельства. Но это их мало спасает. Опытная полиция быстро обнаруживает подделку, и тогда тюрьмы не избежать. Даже если у брасерос появились деньги, они не имеют права иметь банковские чеки и поэтому все наличные средства носят в кармане брюк или пиджака. Так они становятся удобными жертвами для грабителей и при этом никогда не обращаются к полиции, боясь разоблачения и высылки обратно в Мексику.

Затруднительное положение брасерос особенно пришлось по вкусу предпринимателям, которые используют их как дешевую и, главное, безропотную рабочую силу. «Латиноамериканцы,— пишет корреспондент западногерманского журнала «Шпигель», недавно побывавший в США,— являют собой наряду с индейцами самое дискриминируемое меньшинство во всех сферах американской жизни. Даже лиц мексиканского происхождения, имеющих американское гражданство, используют зачастую лишь в качестве сборщиков фруктов и водовозов. В муниципалитете Лос-Анджелеса, где живет больше мексиканцев, чем в любом другом городе, нет ни одного их представителя вот уже в течение пятнадцати лет. Адвокатам и врачам мексиканцам приходится работать официантами и кондукторами в автобусах. Америка говорит пока о «двух разобщенных неравноправных обществах» — белом и черном. Но в середине восьмидесятых годов будет и третье «общество», самое многочисленное меньшинство, более бедное и менее образованное, чем два других, и отстраненное от политической власти. Оно живет хуже, чем другие: его школы самые плохие, у него самая грязная работа и меньше прав, чем у негров».

Но чиканос сейчас беспокоит не только их экс-

плуатация и расовый гнет. Они все решительнее выступают с протестом против разграбления их исторического наследия. «Каким образом вообще Соединенные Штаты заполучили Техас и Калифорнию?» — спрашивает Феликс Айяла, руководитель Латиноамериканского центра в Чикаго. «Я не считаю, что чужие здесь мы», — заявляет он. Аналогичные мысли высказал Майкл Рендон из Оклона, штат Иллинойс, в письме, направленном Картеру: «Вы как президент нашей великой страны, возможно, поможете мне решить проблему, восходящую к тем временам, когда моя мать еще не носила меня под своим сердцем. Тогда у моего отца в Техасе украли его землю, а на договоре о ее покупке была подделана его подпись». Президент не ответил на это письмо, равно как и на аналогичные запросы других, о чем сообщала недавно газета «Лос-Анджелес таймс». Далее она же поведала о том, что у одного адвоката в Денвере находятся 60 тысяч заявлений американцев мексиканского происхождения, требующих компенсации за несправедливость, допущенную по отношению к их предкам. Эти заявления представляют собой документальные свидетельства террора: многие бывшие поселенцы захваченных у Мексики земель были изгнаны или убиты. Прибывшие в Техас и Калифорнию американские фермеры обращались с коренными жителями этих земель не иначе, как с «мексиканскими бандитами». Во многих судах заявления об этом пропали в результате «странных пожаров», а земля и природные богатства перешли тем временем во владение американцев.

Движение чиканос принимает в США все более решительный характер. «Наше время настало», — пишет журнал «Нуэстро». Согласно официальным данным, в США проживают 12 миллионов чиканос, и каждую ночь тысячи людей перебираются из Мексики через границу в США, протянувшуюся на 3200 километров. «В середине восьмидесятых годов, — с беспокойством как-то писала газета «Вашингтон пост», — количество чиканос в США превысит по численности негритянское население и будет насчитывать 30 миллионов человек. Тогда обе группы вместе могут образовать большинство на юго-западе Соединенных Штатов».

Во время поездки по Мексике мне приходилось бывать в самых разных районах страны, но я встречался, в основном, с теми, кто имел работу. Брасерос же скапливаются вдоль мексикано-американской границы, а мой маршрут не включал этих районов.

...Я в небольшом мексиканском городке Игуала. Здесь находится опытная станция по селекции хлопчатника, где большую работу проводит советский ученый Николай Лемешев. Он хорошо овладел испанским языком, и поэтому у меня не было необходимости брать с собой переводчика. Завершилось знакомство со станцией, и я начал собираться обратно в Мехико, а Николай уговаривает сделать небольшой крюк на машине и побывать, по его выражению, в «уникальном туристическом местечке».

— До Таско,— сказал он,— всего каких-то десять-пятнадцать километров. Поезжай! Гарантирую, что не пожалеешь.

Таско... Таско... Что-то мне это слово показалось очень знакомым. И вдруг осенило. Открываю портфель, нахожу чикагский блокнот, листаю его страницы, перечитываю запись беседы с Франческо. Все правильно. Таско — это именно тот городок, откуда он со своим братом отправился в сторону Рио-Гранде.

— Расскажи, как туда ехать?

— Да что ты так засуетился? — удивленно спросил он.— Давай карту, сейчас я сделаю все необходимые пометки.

До захода солнца оставалось четыре-пять часов, а мне еще предстояло преодолеть долгий путь в Мехико. Ночью трудно ехать по горным дорогам, да еще когда по ним с такой невероятной скоростью носятся американские машины. Строго действуя по указателям, сделанным на карте Лемешевым, я быстро добрался до Таско. Действительно, это один из живописнейших уголков страны, и неслучайно, наверное, его называют «краем вечной весны». Подобно ласточкину гнезду, он прилип к южному склону горы Атачи. Едешь по улицам Таско, и такое ощущение, будто попал в средние века: за последние два-три столетия не построено ни одного нового здания. Все сохранилось как в те

времена, когда здесь испанские конкистадоры господствовали над местным индейским племенем нахоа. Сначала они не знали об этом месте, затерявшемся в горах, пока в их руки не попали искуснейшие изделия из серебра и золота, которые носили на себе, как безделушки, индейцы нахоа. Потом выяснили, что в отрогах местных гор хранятся несметные богатства этих благородных металлов. Тут же испанцы подчинили себе племя и хищнически начали добывать серебро и золото, а умельцев нахоа заставили изготавливать кольца, браслеты, колье и медальоны. Потом корабли с этими товарами пошли в Европу, а конкистадоры богатели и строили здесь роскошные дворцы и замки, воздвигли собор Санта Приска — один из уникальнейших памятников классического барокко, полюбоваться которым едут сюда туристы из всех стран мира. Здесь я увидел большую группу американских туристов. Местный гид увлеченно рассказывал об истории Санта Приска, о его настенной живописи, выполненной кистью талантливейших художников того времени.

Вместе с туристами вышел на предсоборную площадь, мощенную гранитными плитами. Десятки людей тут же берут в кольцо каждого туриста и умоляют купить свой незамысловатый товар, предлагают услуги в качестве сопровождающих по лавкам и магазинам ювелирных изделий, устраивают представления: глотают зажженный огонь, показывают другие фокусы. За все это согласны на любую оплату, лишь бы получить хоть немного денег, чтобы не умереть с голоду. А может быть, среди них находится отец Франческо и Мануэля? Ведь ради встречи с ним я поехал в Таско. С кем бы ни говорил, выяснялось, что по-английски они знали не более двух-трех десятков слов, необходимых для самого элементарного общения с туристами, а мне так хотелось начать розыски и побыстрее, потому что время было лимитировано. Вспомнил о гиде, которого видел в соборе. Нашел его. За определенную плату он согласился помочь. С первых же минут я пожалел, что не записал в своем чикагском блокноте фамилию Франческо. Кто знал тогда, что судьба забросит меня через два года в Мексику, да еще в городок Таско. Мы подходили с переводчиком к каждому мексиканцу на площади, но они

просто не понимали, что мы, собственно, хотим, и наперебой предлагали купить у них какой-нибудь сувенир.

— О, Франческо! О, Мануэль! — торжественно произносили они.— Конечно, знаем их. Это очень хорошие люди, которые вам наверняка бы посоветовали купить этот брелок... эту цепочку... это сомбреро.

Сколько, подумал я, в Мексике таких имен, как Франческо и Мануэль! Это все равно, если бы я приехал, скажем, в Калугу и начал там искать отца Ивана и Николая. Решил предпринять последнюю попытку и попросил гида проводить меня на окраину Таско, где живет беднота, благо городок маленький — все здесь, как на пяточке. Вот и лачуги из ящиков. Гид сказал, что часто их сносят бульдозерами, так как это место туристическое, но они снова появляются. Заходить в лачуги было бесполезно, да и нежелательно, как сказал гид, потому что люди могут заподозрить что-то недоброе. Нам, правда, удалось поговорить кое с кем на улице, но все было тщетно. Встречные недоуменно пожимали плечами и продолжали свой путь.

Я понял, наконец, полную бессмысленность своего намерения. Пошли обратно на площадь. Подходим к машине. Гид извинился за то, что, к сожалению, не мог ничем помочь. В этот момент к нам подходит старушка и спокойным голосом говорит, что знала Гонсалеса — отца Франческо и Мануэля.

— А почему,— спрашиваю,— знали, а не знаете?

— Умер он... После того как ушли сыновья,— продолжала она,— он только и жил надеждой получить от них какие-нибудь вести. Наконец, письма начали приходить. Последнее, которое он получил зимой 1978 года, свалило его с ног. Франческо написал ему, что после тяжелой болезни скончался брат... Гонсалес отправился вслед за сыном еще до наступления рождества...

Но на этом не заканчивается мой рассказ об этой семье. Из Мехико в Москву я возвращался через Нью-Йорк, где сделал кратковременную остановку, чтобы пересесть в самолет Аэрофлота, совершающий беспосадочный рейс через всю Атлантику и Западную Европу прямо до Шереметье-

ва. В Нью-Йорке через справочную узнал номер телефона чикагского отеля «Экзекьютив-Хауз» и позвонил туда. Ответил мужской голос.

— Не могли бы вы позвать к телефону Елизабетт?

— Простите,— ответил голос,— в каком номере она живет?

— Она работает у вас регистраторшей. Такая молоденькая черноволосая девушка, хорошо знает испанский язык.

— Что-то припоминаю... Да, да, вспомнил. Она давно уже здесь не работает.

— С ней что-нибудь случилось?

— То, что происходит со всеми молодыми хорошенькими девушками,— на игривых нотках ответил голос.— Вышла замуж и, насколько я припоминаю, уехала в Лос-Анджелес.

— А не знаете, за кого она вышла замуж?

— За какого-то мексиканца.

— Его случайно зовут не Франческо Гонсалес?

— Вот на этот вопрос я вам ответить не могу, но хорошо помню, что ее мужем стал какой-то мексиканец.

Я почему-то не сомневался, что это был Франческо. Помню, как во время нашей беседы они ласково смотрели друг на друга. А может быть, на ее пути встретился какой-нибудь другой мексиканец? Нет, не хочется так думать. Слишком много в их судьбах общего. Вспоминаю день отъезда из Чикаго. Прощаясь со мной, Елизабетт говорила о том, что вместе с Франческо примет участие в движении чиканос, идеалы которого ей очень близки. Хотя она и бразильского происхождения, но к ней относятся в Америке так же, как к чикано, даже зарплату в отеле дали ниже, чем положено. Конечно же, Елизабетт и Франческо нашли друг друга, правда, при стечении самых неожиданных обстоятельств. Судя по их характерам, свою жизнь они не ограничат лишь борьбой за существование, а сделают ее более целенаправленной, участвуя в движении чиканос...

Знакомство с эхидо

Мексику, главным образом в зимнее время, любят посещать иностранные туристы. Особенно их много было в начале 1979 года из-за снежных бурь, обрушившихся на Соединенные Штаты. Автомшины с американскими номерами буквально загрохотали шоссейные дороги. Нарядные женщины и мужчины ковбойского вида, приехавшие сюда на шикарных «кадиллаках» и «фордах», благо в Мексике дешевый бензин, без усталости восторжались красотой удивительной природы этой горной тропической страны, солнечными пляжами Акапулько, где можно круглый год нежиться в ласковых тихоокеанских водах. Галантные кавалеры преподносят своим попутчицам яркие, сочные цветы, их, пожалуй, в январе можно в такой изобилии увидеть только в такой стране, как Мексика.

Американский туризм в Мексике — одна из доходных статей бюджета страны. И понятно, что для его развития предпринимаются все усилия. Однажды я остановился в небольшом уютном отеле. Вышел в сад, где стояли столики и плетеные кресла для посетителей, которые пожелают под сенью деревьев утолить жажду. Тут же, около столиков, на деревьях укреплены специальные кольца. На них важно сидят попугаи, наперебой выкрикивая какие-то слова по-испански, что вызывает восторг у находившихся здесь мексиканцев. Как только я подошел к ним, один огромный цветастый попугай тут же перешел на английский язык (даже его приучили ублажать американских туристов): «Хэлло! Хэлло! Хэлло!» (привет), «О' кэй! О' кэй! О' кэй!» (все в порядке). Я отошел в сторону. Но попугай оказался неугомонным и, как вежливый хозяин, продолжал: «Гуд-бай! Гуд-бай! Гуд-бай!» (до свидания).

Да, Мексика — чудесный край туризма. Однако для постоянных жителей местная природа не так добра, особенно к труду земледельца. Две трети земли практически непригодны для обработки, а остальная часть нуждается в постоянном искусственном орошении. Там же, где есть вода, природа творит чудеса, позволяя собирать два, а то и три урожая в год зерновых и бобовых, выращивать са-

харный тростник, хлопчатник, табак, какао и прекрасные фрукты, которые высоко ценятся на мировом рынке.

Я побывал в разных районах страны и не мог понять, почему здесь так неравномерно развито сельское хозяйство. Только ли из-за плохих почв и отсутствия воды или в силу каких-либо других причин? Наверное, все же это объясняется сложными социальными процессами в деревне, где проживает почти половина 65-миллионного населения Мексики.

После буржуазно-демократической революции 1910—1917 годов, движущей силой которой было крестьянство, новое правительство Мексики приняло Закон об аграрной реформе. Но ее проведение в жизнь растянулось до наших дней. «Реформа замедленного действия» — так окрестили ее в Мексике.

Каждый раз, возвращаясь из долин, где с утра и до позднего вечера сельские труженики в широкополых шляпах поливают своим потом неподатливую землю, я думал: почему жизнь так несправедливо обходится с ними, почему в большинстве своем они влачат жалкое существование, а многие не выдерживают и теряют землю. Город их не принимает: все рабочие места заняты. И они становятся брасерос...

Машина мчала в Гуанахуато. Дорога не была столь экзотична, как другие. Чувствовалось, что эта магистраль не туристская, а хозяйственная. Сначала она проходит через промышленные районы, а затем начинаются поля. Во всех направлениях сновали грузовики. В Мехико они доставляли продовольствие, а обратно возвращались с различными промышленными товарами. Но от этой живой связи между городом и деревней мало что выигрывает крестьянин, так же как и рабочий на заводе. Деньги от этого оборота оседают в сейфах предпринимателей и помещиков. Вот они-то всячески и тормозят проведение аграрной реформы в деревне и улучшение условий труда в городе.

Более подробно о всех тонкостях этого процесса поведал мне сельский учитель в одной деревушке, где я сделал остановку по пути в Гуанахуато. Звали его Альберто Галиндо. Он пригласил меня в

свой небольшой домик, зажег керосиновую лампу. Застенчивая жена засуетилась и куда-то убежала. Через некоторое время вернулась и поставила на массивный деревянный стол тарелки с лепешками, кусочками какого-то нарезанного овоща, горячее фаршированное мясо в пахучем соусе и кувшин с молоком.

— Пробуйте,— предложил Альберто,— наши национальные яства.

Кроме блюд с едой, были поданы только глиняные кружки и вилки, а из соуса с мясом торчала одна ложка. Заметив мое замешательство, Альберто пояснил:

— Сначала надо отведать овощную закуску из авокадо. Для этого около вас находится вилка. Затем берите рукой лепешку. Она называется тортилья и печется из кукурузной муки. Положите ложкой на тортилью соус с мясом, сверните ее трубочкой и приступайте к трапезе. Соус очень острый. Он сварен из томатов и стручков чили — сорт особого перца, который растет только в тропиках. Когда он обожжет ваш рот, пейте молоко. Оно совсем свежее. Жена недавно доила корову.

Альберто охотно отвечал на все вопросы. По-английски он говорил четко, и я успевал делать записи в своем блокноте.

— Почему,— спрашиваю его,— ваша аграрная реформа растянулась более чем на шестьдесят лет?

— Не относитесь к этой реформе скептически,— сказал Альберто.— Это величайшее завоевание во всей истории Латинской Америки до революции на Кубе. В первые годы она нанесла очень серьезный удар по латифундистам и иностранному землевладению.

— Как это выглядело практически?

— Сразу же после принятия реформы земля начала изыматься у латифундистов и иностранцев с севера и из Европы. Ее передавали крестьянам путем создания так называемых эхидо¹. Реформа запретила куплю-продажу эхидальной земли, сдачу ее в аренду, а также привлечение наемного труда для ее обработки. Леса и пастбища в эхидо

¹ Община, которая объединила беднейшее крестьянство.

отдавались в общее пользование, а пашня обрабатывалась либо сообща (коллективное эхидо), либо лично крестьянином (индивидуальное эхидо).

Альберто Галиндо сделал паузу, ловко свернул тортлью и целиком ее отправил в рот, медленно разжевал, запил молоком. Затем предложил мне самодельную сигару и закурил сам. Табак был настолько крепкий, что после двух затяжек я закашлялся, из глаз потекли слезы.

— Вот это да! — воскликнул я, еле переводя дух. — Такой сигарой и слона можно положить на лопатки.

— Вы ошибаетесь, — заметил Альберто, — ваши городские сигареты куда более зловредная вещь. Ведь вы же глотаете отходы, а это чистейший табак. Такие сигары еще в древности делали индейцы. Выкуривали они только половину, а оставшуюся часть, которая впитала в себя никотин, выбрасывали. Лучший фильтр трудно придумать. Ну, а теперь давайте вернемся к реформе. С первых дней она встретила яростное сопротивление латифундистов. Это привело к тому, что аграрная реформа имела свои отливы и приливы. Особенно ее проведение забуксовало в сороковых годах, когда правящим кругам в угоду частному капиталу удалось сделать реакционные поправки в конституции.

— Значит, — спросил я, — она была сведена на нет?

— Не совсем так. Два наших последних президента, Эчеверриа и Портильо, вдохнули в реформу новую жизнь, снова внесли поправки в конституцию, но уже прогрессивные. Недавно Портильо обнародовал план аграрной реформы, который делает упор на проведение так называемой «направленной коллективизации».

— Что подразумевается под этими словами?

— Создание коллективных эхидо за счет объединения индивидуальных, освоения залежных и целинных земель, конфискации латифундий. Сейчас в Мексике коллективных хозяйств насчитывается уже более четырехсот.

— А как на это реагируют противники реформы?

— Конечно, борются, прибегая к самым гряз-

ным методам. Приведу один пример. Не так давно правительство конфисковало земли у латифундистов в штатах Идальго, Веракрус, Сонора и передало в пользование крестьян. Но латифундисты создали свою жандармерию, которая начала сгонять крестьян с земель, а в тех случаях, когда они сопротивлялись, пускала в ход оружие. Некоторые крестьяне были убиты. Сейчас эту проблему должен решить суд. Таким образом, острая классовая борьба в мексиканской деревне, начатая более шестидесяти лет назад, продолжается и по сей день.

— Скажите, Альберто,— спросил я,— а в чем экономическая суть аграрной политики Мексики?

— Президент Хосе Лопес Портильо поставил задачу — обеспечить страну продовольствием, а промышленность — сырьем и всячески поощрять аграрный экспорт для поступления твердой валюты. Но я должен заметить, что и на этом пути Мексика встречает сопротивление со стороны американских монополий. Я вам приведу один пример. Стоило недавно США отказаться от закупок мексиканского хлопка, как тут же наши площади под хлопчатник сократились на две трети, и стране был нанесен серьезнейший удар.

— Чем были вызваны эти действия США?

— Желанием оказать давление на Мексику, заставить ее изменить внутреннюю и внешнюю политику.

— Но вернемся к эхидо. Как они создаются на целинных землях?

— Наша проблема не обработка земли, а ее орошение. Правительство выделяет на эти цели большие средства. Усилиями правительства орошаемая площадь в стране увеличилась примерно на четыре миллиона гектаров, в то время как частнокапиталистический сектор увеличил эти площади всего на сто тысяч гектаров. На орошаемых землях госсектора создаются коллективные эхидо.

Альберто встал из-за стола, подошел к шкафу, вынул оттуда книгу, нашел нужную страницу и сказал:

— Это — издание речей нашего президента Хосе Лопеса Портильо. Я сейчас прочту выдержку из одного его выступления. «Решение аграрных проблем является для нашей страны вопросом смерти

и жизни». Вот какое важное значение наша страна придает решению земельных отношений и развитию сельского хозяйства!

За окном начинался рассвет, когда мы закончили нашу беседу. Альберто приготовил мне постель на небольшом диванчике, а сам ушел в другую комнату. Три часа сна пролетели как мгновение. На столе появился душистый кофе. Прощаясь, Альберто взял с меня слово, что на обратном пути я снова к нему заеду.

— Ведь вы,— сказал, широко улыбаясь,— ничего не рассказали о своей стране. Теперь я буду задавать вам вопросы.

Снова мчусь по шоссе. По обе его стороны потянулись поля. На одних участках в полном разгаре посевные работы, на других уже поспевают урожаи, а на третьих — идет уборка. Удивительная все-таки земля Мексики, если дать ей полив.

Встречаю крестьянскую повозку. Резко торможу, ставлю у обочины машину и подхожу к повозке. Бородач в высокой шляпе с загнутыми вверх полями строго смотрит на меня из-под густых черных бровей и, не останавливая телегу, с металлом в голосе произносит: «Извините, сеньор, мне очень некогда». Телега его была нагружена морковью. Смотрю в поле, откуда она выехала: женщина и двое подростков, подобно роботам, безостановочно проделывают одни и те же движения, собирая урожай моркови. Видно, ею только что загрузили телегу, а уже растут новые горки...

Через час подъезжаю к месту назначения — местному отделению министерства сельского хозяйства и водных ресурсов Мексики. Меня любезно принимает в своем кабинете начальник центра.

— Ароста,— представляется он и тут же по-деловому, не теряя ни одной минуты на банальности, как принято в подобных случаях, рассказывает о структуре своего ведомства, непосредственно связанного с эхидальными хозяйствами. Оно снабжает их водой, удобрениями, семенами, техникой, дает необходимые консультации.

Свой рассказ Ароста сопровождал показом цветных диапозитивов. На экране плотина реки Лалаха. От водохранилища, как паутина, расходятся каналы. Большая их часть забетонирована, а неко-

торые представляют собой простые рвы. На разных участках затворы регулируют прохождение воды.

— Все хозяйства,— говорит он,— находятся у нас на специальном учете. Каждому крестьянину выдается карточка, где делаются пометки о количестве выданной воды, семян, удобрений, об услугах и т. д. Все это имеет свои расценки. Взямая с крестьянина установленную цену за услуги (нам они обходятся несколько дороже), мы психологически повышаем у него чувство ответственности за ту работу, которую он производит.

— А как выглядит окончательный расчет? — спрашиваю Аросту.

— Во-первых, оказывая помощь эхидо, мы имеем право предписывать им посевы тех культур, в которых нуждается страна. Эта потребность диктуется конъюнктурой мирового рынка, так как Мексика испытывает острую нужду в поступлении твердой валюты. Затем — правительство устанавливает закупочные цены. В учетную карточку эхидо заносится стоимость сданного урожая, молока, мяса. В конце года подводится итог.

— Бывают ли такие случаи, когда расходы крестьян превышают доходы, и как решается эта проблема?

— Да, бывают. Я должен вам сказать об этом откровенно. Конечно, это не массовое явление, но тем не менее...— Ароста сделал паузу, о чем-то подумал и добавил: — В основном, разоряются те хозяйства, где крестьяне работают недостаточно упорно, или вследствие непогоды, а также других стихийных бедствий.

Ароста предложил мне осмотреть здание его ведомства, побывать в расчетной группе и лабораториях. В холле я обратил внимание на двух загорелых, обросших щетиной крестьян. У одного она была седая, у другого черная, как смоль. Знакомлюсь. Молодого зовут Альберто Кастилло. Он пришел сюда с отцом, чтобы произвести в химической лаборатории анализ почвы, взятой с различных глубин их земельного участка.

— Нынче,— говорит Альберто,— что-то плохие всходы, а почему — не могу разобраться. Отец здесь дождется результатов анализа, мне же надо в поле. Дел — непечатый край.

Я предложил Альберто воспользоваться нашей машиной и заодно попросил показать его индивидуальное эхидо. С нами поехал и Ароста. По дороге Альберто сказал, что у него девять детей. Прокормить всех трудно. В школу не пойдут. Надо работать. К крестьянскому труду приобщаются уже с девяти лет. Альберто владеет землей площадью около четырех гектаров. Наконец, останавливаемся около глинобитного домика. Для детей — один общий лежак. За занавеской кровать Альберто и его жены. Отец спит в сенях. Между занавеской и лежаком — деревянный стол. Вокруг него скамейки. В доме никого нет. Все в поле.

На одном участке идет уборка люцерны. Здесь работают жена Альберто и три его старших сына. На другом участке зеленеют всходы пшеницы, а на третьем детвора окучивает и очищает от сорняка овощные грядки.

— А чем вы сейчас займетесь? — спрашиваю Альберто.

— Поеду на быках за водой и полью пшеничное поле, иначе сгорят всходы.

— Для каких целей вы сеете люцерну?

— Она мне вовсе не нужна. Это по приказу сеньора Аросты.

— Да, это правильно,— вмешался в разговор Ароста.— Для развития животноводства стране необходимы корма. Правительственный план предписал нашему отделению определенное задание по сбору люцерны, а мы в свою очередь распределили его среди эхидо. Так, например, Альберто Кастилло должен засеять люцерну на площади полтора гектара.

— Он может отказаться от этого?

— Может, но это не в его интересах. Тогда он лишится нашей помощи и не выживет.

— Какой у вас годовой доход? — спрашиваю Альберто.

Он хитро улыбается. Оглядывается вокруг. Делает вид, будто что-то в уме подсчитывает. Потом снова оглядывается и скороговоркой отвечает: «Нормальный».

— Я могу вам сказать,— пояснил Ароста,— что его доход довольно скромный, хотя пока позволяет сводить концы с концами. Альберто и его семья

упорно работают. От зари до зари. Мы агитируем Альберто вступить в коллективное эхидо. Он категорически отказывается. Со временем, я думаю, изменит свои взгляды. Скоро мы начнем подводить по каналам воду этим хозяйствам. Альберто долго не продержится на своей бочке. Ну, а теперь поедем в коллективное эхидо. Его интересно посмотреть, так как оно только что создается.

Нас встретил руководитель хозяйства Флорентино Хервашо. Ему 52 года. Опытный, выдавший виды крестьянин. Говорит, что пока приходится трудно. Все время уходит на организацию работ и воспитательные беседы с крестьянами. Я спросил его, приведя в пример Альберто Кастилло, меняется ли психология крестьян? Охотно ли они приобщаются к коллективному труду?

— Откровенно говоря,— ответил Флорентино,— или руководит не осознанность преимуществ коллективного труда, а безысходность положения, в котором они оказались. Стремятся обрабатывать только бывшие свои участки и требуют оплаты в зависимости от их размера. Я же им объясняю, что она будет зависеть от вложенного труда.

— Полагаю,— вступил в разговор Ароста,— что после того как они получают кредит, технику, а через два-три месяца и воду, которая побежит по этим каналам, психология крестьян начнет меняться.

— Я уверен,— продолжал Флорентино,— что дела пойдут на лад. Сейчас важно преодолеть индивидуализм крестьян, привить им дух коллективизма. Как-то я был в Мехико, и мне сказали, что планируется направить в вашу страну делегацию представителей коллективных эхидо для изучения ленинского кооперативного плана. Я считаю, что это необходимо осуществить, так как Советский Союз накопил огромный опыт колхозного строительства.

Мы направились в поле. Кукуруза и просо созрели. Солнце их уже изрядно потрепало, зажги спичку, и пересохшие растения вспыхнут пожарищем. Вода, которую здесь ждут с нетерпением, конечно, все изменит. Резко повысится урожайность, появится возможность освоить другие ценные культуры, что, без всякого сомнения, увеличит доходы

хозяйства и, естественно, каждого его члена. Пока Флорентино удалось осуществить одно доброе начинание. Он убедил крестьян бросить свои лачуги и совместными усилиями перестроить старинный замок бывшего латифундиста. Замысел удался. Замок отремонтировали, разместили в нем правление эхидо, разбили помещение на отдельные кварталы для каждой семьи, отвели специальные комнаты для собраний и отдыха. Крестьяне довольны. Им нравится здесь жить.

Из замка мы направились в хозяйство одного крупного местного помещика. Нас встретил хозяин фермы Флорес. Он долго не мог понять цель столь странного визита начальника областного центра да еще в сопровождении советского журналиста. Нервно моргал глазами, как-то неестественно улыбался, но постепенно взял себя в руки и, главное, уяснил, что никакого подвоха в этом визите нет. Флорес содержит четыреста голов молочного скота. Бросается в глаза примитивная техника, антисанитария на ферме — над скотом и кормушками летают тучи мух. Это объясняется чисто потребительским подходом: поменьше вложить, побольше выжать. Флорес предпочитает использовать дешевый труд наемных рабочих, нежели приобретать современную технику. Он сколотил приличный капиталец (как мне сказал позднее Ароста, приближается к тому, чтобы считаться миллионером), имеет тринадцать детей. В скором времени собирается передать ферму 26-летнему сыну Хулио, который в свою очередь имеет уже своих четырех детей. Братья и сестры Хулио фермой заниматься не будут. Все они получили высшее образование, устроились в городе и имеют свой бизнес.

— Кому и за сколько, — спрашиваю хозяина, — продаете молоко?

— Одной компании, которая производит сыр.

— А почему вы не сдаете его на государственный молочный завод?

Флорес, хитро поглядывая на Аросту, уходит от ответа. На обратном пути Ароста сказал мне, что сыроваренный завод платит Флоресу дороже. А вместе с тем страна остро нуждается в молоке, производство которого правительство вынуждено поднимать за счет эхидальных хозяйств.

Уже садилось солнце, когда я отправился обратно в Мехико.

Движение на шоссе не смолкало. Крестьяне все еще трудились в поле. А вот и знакомое место. Морковь уже полностью убрана, семья во главе с бородачом готовила землю для нового посева... Ночь я снова провел у своего друга, сельского учителя Альберто Галиндо. На этот раз мы поменялись ролями. Отвечать на вопросы о жизни в нашей стране, о колхозах и совхозах пришлось уже мне. Альберто Галиндо все записывал в школьную тетрадку и сказал, что она послужит ему в беседах с любознательными учениками.

Поля Игуалы и Эль-Рокса

Сотрудничество между нашими странами охватывает многие сферы, но мне хотелось бы поведать читателю лишь об одной, весьма значительной и перспективной — взаимодействии советских и мексиканских ученых-аграрников и, в частности, о совместных селекционных работах по выведению новых сортов зерновых культур и хлопчатника.

Селекционная работа в Мексике дала возможность советским ученым значительно сэкономить время, потому что климатические условия этой страны позволяют выращивать различные культуры в естественных условиях на протяжении всего года и получать за это время два, а то и три селекционных результата. Кроме того, Мексика располагает богатейшими растительными ресурсами, и целый ряд местных форм растений имеет много ценных качеств, передача которых лучшим советским сортам значительно повысила бы их урожайность. В этих работах также весьма заинтересована и Мексика, правительство которой придает им государственное значение, включив в свой общенациональный план научно-исследовательских изысканий.

Ранним утром покидаю Мехико и направляюсь в долину Бахио, на знаменитые поля Эль-Рокса. Здесь мексиканские и советские ученые ведут совместные работы по селекции зерновых культур.

При въезде в городок Селайе меня встречает советский ученый Алексей Ляховкин. На нем лихо сидит мексиканская шляпа, оттеняя загар энергичного лица. Человек бывалый. Многие километры прошагал в экспедициях по сбору растительных ресурсов в Непале, на горных склонах Гималаев, оставил свои следы на самых отдаленных островах Филиппин, работал в социалистической Кубе.

Ляховкин садится в свой джип и подает сигнал следовать за ним. Узкие улочки Селайе заполнены народом, оживленно торгуют базары и лавки. Селайе остается позади, и мы — в цветущей долине Бахио. Территория местного отделения Мексиканского национального института сельскохозяйственных исследований. Аккуратные белые домики, то и дело от одного к другому перебегают молодые парни и девушки с пробирками, мешочками, заполненными семенами самых разных культур. Надо сказать, что университет Мехико готовит хороших специалистов, которые успешно включаются в практическую и научную работу.

— Поедем на Эль-Рокс,— слышу голос Ляховкина из джипа,— или познакомимся сначала с научной работой института?

— Едем на Эль-Рокс! — отвечаю я.— Сначала надо увидеть главное. Тогда будет о чем здесь разговаривать.

Поле оказалось совсем рядом. Зеленеют всходы пшеницы. К стеблям привязаны какие-то таблички с надписями.

— Работу на этом поле мы начали в 1976 году.

— Какова все же ее конечная цель?

— Перед нами,— отвечает Ляховкин,— стоят многоплановые цели. Попытаюсь тебе объяснить это популярно. Во-первых, мы должны на этом поле за наш домашний зимний период вырастить отечественный перспективный селекционный материал и вернуть его нашим институтам для дальнейших работ в летний период. Во-вторых, дать оценку устойчивости селекционного материала против болезней, полегания и засухи. В-третьих, провести скрещивание местных и советских перспективных сортов и, наконец, пополнить коллекции растительных ресурсов.

— С какими отечественными пшеницами производится здесь работа?

— С «саратовской-29» и «безостой-1».

— А что уже практически достигнуто?

— За это время было собрано почти полторы тысячи мексиканских образцов двадцати различных культур, представляющих ценный материал для селекции. Конечно, результаты еще впереди, но сделаны уже первые и очень важные шаги.

— А можно эту работу проиллюстрировать каким-нибудь конкретным примером?

— Пожалуйста. Хорошо известно, что «саратовская-29» — это основной сорт пшеницы, которая возделывается на нашей целине. Край этот довольно своеобразный по своим природным условиям. С одной стороны, нам надо повысить засухоустойчивость этого сорта, а с другой — спасти его от заболеваний, которые могут начаться в дождливую погоду. Мы нашли некоторые формы мексиканских пшениц, которые обладают этими свойствами. Селекционер должен их передать путем скрещиваний нашему сорту, что мы сейчас и делаем.

— Я очень доволен, — сказал подошедший к нам мексиканский ученый Габриэль Диас Кастро, который работает с Ляховкиным в самом тесном контакте, — результатами гибридизации пшеницы. Наши эксперименты, если мы добьемся конечного результата, дадут грандиозный экономический эффект, за что нас будут благодарить потомки.

На территорию института мы вернулись пешком. Нас принял директор института Хосе Антонио Лабордэ. Небольшой кабинет. На столе почти никаких бумаг. Несколько телефонных аппаратов. Вдоль стен шкафы с книгами, а на свободных местах — диаграммы, схемы, таблицы. За спиной директора секционные полки, забитые разноцветными папками. На верхней полке серия детских цветных фотографий под стеклом в металлических рамках.

Я бывал во многих мексиканских кабинетах, принадлежащих людям самых разных уровней и рангов. И везде либо на полках, либо на столах — детские фотографии. Мне объяснили, что это как-то подчеркивает верность семье и, главное, любовь к детям, ради которых отец работает и живет.

А один чиновник чистосердечно сказал, что в современном мире существует много искушений. Могут предложить взятку или пойти на какие-нибудь махинации. Занимаются этим обычно ловкие, изощренные люди, к преступлению подводят постепенно, терпеливо ждут, когда рыбка клюнет. Остается человек один в кабинете и начинает разговаривать со своей совестью, а она уступает, взглянет он тогда на фотографии своих детей, увидит их глазенки, и совесть берет верх...

Но к Хосе Антонио Лабордэ это не относится. Он хороший и честный администратор, известный ученый и добрый семьянин. Все свое время отдает любимому делу. Увлеченно рассказывает о задачах института, о том, какие уже выполнены, а какие нет. Чтобы подчинить себе природу, говорил он, надо ее любить и бережно к ней относиться. Она за это отплатит сторицей.

— Что касается,— с гордостью сказал он,— мексикано-советской селекционной работы на полях Эль-Рокса, то она проходит успешно. Желаемые результаты не за горой.

В двухстах километрах от Мехико, южнее тропика Рака и на высоте 600 метров над уровнем моря, в местечке, которое называется Игуала, трудится еще один советский селекционер, мечтающий вывести идеальный сорт хлопчатника, который человечество возвращает уже тысячелетия. О питомнике диких форм хлопчатника, созданном здесь ленинградским ученым Николаем Лемешевым, знают сейчас не только в Мексике. К нему ревниво приглядывается северный сосед этой страны, которому на протяжении тридцати последних лет так и не удалось добиться селекционных успехов в работе с этой культурой.

Используя благоприятные природные условия Мексики, Лемешев выращивает в питомнике сотни разновидностей диких форм хлопчатника, которые собрал в экспедициях по миру, исходив и исколесив Азию, Африку, Латинскую Америку. Увлеченный своей работой советский селекционер хочет вывести такой сорт хлопчатника, который обладал бы скороспелостью, устойчивостью против болезней и вредителей, приспособленностью к механиз-

рованному уходу и уборке урожая, имел бы прочный стебель и высокую продуктивность.

— Эти цели,— говорит он,— нелегкие, но достижимые. Советские ученые на этом пути уже добились определенных успехов, особенно академик Мирахмедов, создавший прекрасную плеяду «ташкентов» на основе гибридизации среднеазиатских сортов с дикими формами мексиканского хлопчатника.

— А в связи с чем,— спрашиваю его,— возникла идея вовлечения в селекцию именно этих форм?

— Основная проблема,— ответил Лемешев,— это вилоустойчивость сорта, то есть сопротивляемость к серьезной болезни. Изучение всех мировых ресурсов хлопчатника показало, что этим свойством обладают только дикие мексиканские формы. Вот почему мы их и привлекли к селекции. Раньше эта работа проводилась у нас дома. В Мексике климат позволяет ускорить ее в два раза. Так появился в 1976 году опытный участок в Игуале.

В питомнике Лемешева я впервые увидел древовидный хлопчатник — высотой шесть метров, имеющий ствол толщиной десять сантиметров, различные кустарниковые и даже травянистые формы. Многие из них были покрыты цветами, которые живут всего один день и за это время трижды меняют окраску: появляются желтыми, затем приобретают розовый оттенок и вечером опадают, уже имея лиловый цвет.

С каким увлечением рассказывал мне Лемешев о хлопчатнике! Признаюсь, многое из того, что он говорил, к стыду своему, я раньше просто не знал. Оказывается, хлопчатник на нашей земле появился примерно 70—100 миллионов лет назад. Ученые доказали это, обнаружив в бурых углях остатки хлопкового волокна. Человек же начал культивировать хлопчатник и изготавливать из его волокна ткани еще 15—20 тысяч лет назад. Это подтверждают раскопки, которые проводились в Мексике.

— А ты знаешь,— говорит Лемешев,— что без хлопчатника не поедет автомобиль, не полетит самолет, будут испытывать трудности такие отрасли промышленности, как химическая, бумажная, электротехническая, пищевая и, естественно, текстильная...

Он сделал паузу, перевел дыхание, посмотрел на меня, как бы желая удостовериться, производят ли его слова впечатление. И убедившись, что собеседник слушает его почти что с открытым ртом, продолжал:

— Как ты думаешь, что можно изготовить из одного килограмма хлопкового волокна? Восемь метров полотна, двенадцать метров ситца или двадцать метров батиста! А хлопковый пух? Из него делают вату, искусственную кожу и шелк, небьющееся стекло, целлофан, фото- и киноматериалы, эбонит. А из семян? Масло для технических целей, рафинированное масло для консервов. Жмыхи идут на корм скоту, из ядер семян делают полимеры, лаки, жаростойкие покрытия, лекарственные препараты и красители. Из дробленной кожуры хлопковых семян получают дубители, технический спирт, производят грубые сорта бумаги и картон. Даже стебли хлопчатника используются как строительный материал, а из его листьев получают лимонную и яблочную кислоты. Ты думаешь, это все? Хлопчатник — прекрасный медонос, что позволяет вокруг его посевов развивать пчеловодство...

— Хватит! Хватит! — воскликнул я.

— Ты думаешь, — обратился ко мне ученый, — почему мы так кропотливо изучаем все культурные и дикие формы хлопчатника и вовлекаем их в селекцию? Эта работа имеет огромное экономическое значение. Хлопчатник очень чувствителен к погоде, продолжительности дня, свету, высоким и низким температурам, почве, механизированному возделыванию и уборке и, наконец, к болезням. Потерять урожай хлопчатника — это потерять многие и многие миллионы рублей.

Затем Лемешев рассказал, как он и его друг мексиканский ученый Гонсалес прошли и проехали по стране в общей сложности двадцать тысяч километров в поисках перспективных форм дикого хлопчатника.

— И нашли?

— Да! И еще какие, особенно в Нижней Калифорнии и на островах Сан-Маркос и Кармен! Так, например, — он говорил, захлебываясь от радости, — одна из диких форм обладает свойством в период созревания полностью сбрасывать листья.

А знаешь, что это такое? Передача этого качества культурному виду может избавить нас от огромных затрат, которые идут на обработку хлопчатника химическими веществами, чтобы вызвать опадение листьев. Мы нашли и такой сорт, который в период созревания избавляется от прицветника. Привить это качество не менее важно для механизации уборки, так как прицветники засоряют волокно. Мы привезли в Игуалу и такие сорта, которые выносят низкие и высокие температуры. Если включить все эти сорта в селекционный процесс, то со временем можно создать новый вид культурного хлопчатника, появление которого будет иметь поистине исключительное значение.

— А что еще вы видели с Гонсалесом в странствиях по Мексике?

— Нашли индейское племя, о существовании которого никто в Мексике не знал. Оно живет первобытным строем, добывает огонь кремнем, выращивает хлопковые деревья, а из его волокна вручную делает ткани для своей одежды. Но об этом тебе лучше расскажет Гонсалес.

— Много ли, — спрашиваю его, — в Мексике осталось индейцев?

— Более трех миллионов. Это не однородная масса, и говорят они на самых разных языках, их около двухсот. Среди этих языков самые распространенные — науталь, майя, мистекский, сапотекский, масатекский и другие. Самой распространенной группой индейцев является майя. Конечно, большинство индейцев разговаривают на испанском, но около 20 процентов говорят только на своем языке.

— Какова официальная политика по отношению к индейцам? Подвергаются ли они в Мексике расовой дискриминации?

— В нашей стране вообще не существует такого понятия, как расовая дискриминация. Правительство проводит большую работу по интеграции индейского населения, обучению его грамоте и таким профессиям, как ветеринария, агрономия, строительство. Для обучения детей индейцев создаются специальные интернаты. Однако предприниматели нещадно эксплуатируют индейцев на низкооплачиваемых вспомогательных работах и поэтому препят-

ствуют так называемой мексиканизации индейского населения.

— Что подразумевается под термином «мексиканизация»?

— Сближение с мексиканской нацией разбросанных по стране различных этнических групп индейцев, что укрепит связи внутри страны. В основе мексиканизации непреложным является принцип — уважение человеческого достоинства и сохранение главных элементов индейской культуры. Мексиканская революция провозгласила одной из своих целей наделение индейцев равными с другими слоями народа правами и обязанностями.

— Ну сколько можно говорить об индейцах? — вмешался Лемешев.— Если ты не хочешь больше слушать о хлопчатнике, несколько слов о кукурузе, как иллюстрация того, какими огромными растительными ресурсами обладает Мексика.

— Слушаю тебя внимательно,— ответил я.

— Недавно мои зарубежные коллеги во время одной экспедиции обнаружили многолетнее растение, поддающееся скрещиванию с кукурузой. А ты знаешь, что это значит — создать многолетнюю культуру кукурузы?

— А какое же они нашли растение?

— Дикорастущий мексиканский теосинт, который, судя по всему, является предком кукурузы. Он растет в горах на высоте более трех тысяч метров, хорошо выдерживает прохладную погоду и даже снегопады. Таким образом, кукурузу, полученную от скрещивания с этим растением, можно будет продвинуть в более северные районы, да еще она будет вырастать ежегодно без повторного сева. Практически даже невозможно подсчитать выигрыш, который получило бы человечество от этой кукурузы...

Наши отношения

Мои поездки по Мексике, встречи с самыми разными людьми убеждали, что народ этой страны с большими симпатиями относится к советским людям. Они возникли не сегодня и не вчера. Еще во

второй половине прошлого столетия, когда против Мексики началась иностранная вооруженная интервенция, до ее начала донесли слова великого русского демократа Н. Чернышевского, гневно осудившего подлые действия непрошенных чужестранцев. «Эта мексиканская экспедиция,— писал он о нападении на Мексику военной коалиции Англии, Франции и Испании в 1857 году,— не может быть понята иначе, как в смысле удивительнейшего примера макиавелевской политики: надобно мешать устройству дел у других народов, чтобы держать их в бессилии и зависимости от себя».

Почти одновременно с таким величайшим событием в жизни человечества, как Октябрьская социалистическая революция в России, свершилась антиимпериалистическая, антифеодальная революция в Мексике.

Как здесь не вспомнить американского писателя и журналиста Джона Рида, единственного человека на земле, которому довелось быть свидетелем обеих этих революций — в России и Мексике и описать их в своих книгах «10 дней, которые потрясли мир» и «Восставшая Мексика». Что повлекло Джона Рида в Мексику? Он хотел понять истинный смысл отношения США к этой стране и ее революции. В американской печати писали тогда о мексиканцах как «диком и необузданном народе», а Франсиско Вилья изображался как «кровавый бандит». Джон Рид едет в Мексику, встречается с Вильей и Сапатою, вникает в революцию и понимает ее. «Народ,— писал он тогда,— восстал, потому что мексиканцы по природе склонны к свободе... Их идеал свободы благороднее нашего». Для того чтобы в те годы публично делать такие заявления, нужны были не просто смелость, а революционный подход к оценке событий. «У них была очень слабая дисциплина, но, бог мой, какой дух!» — писал Джон Рид о солдатах Вильи, перед которым не скрывал своего восхищения, хотя и был далек от того, чтобы одной краской рисовать эту сложную фигуру, рожденную повстанческим движением мексиканских крестьян.

В конце 1913 — начале 1914 года Джон Рид отправляет письма и статьи в американский журнал «Метрополитен». В переводе с английского языка

на русский они были впервые опубликованы советским журналом «Латинская Америка» в номере, посвященном Мексике (№ 2, 1977). Мне хотелось бы привести некоторые выдержки из этой публикации:

«...Чиуауа,— пишет Джон Рид,— живописнейшее местечко... Здесь совершенно не опасно. Вилья правит железной рукой, и город, судя по всему, такой же, как в мирное время. Вилья распоряжается электростанцией, телефоном, трамваями, пивоваренным заводом и почти всеми предприятиями коммунального обслуживания. Каждый вечер на площади играет оркестр и вокруг по четверо прохаживаются солдаты с девушками... Я сегодня долго беседовал с Вильей, и он мне обещал, что я буду с ним, куда бы он ни поехал, днем и ночью. Это человек, наиболее близко стоящий к природе, он почти неотделим от нее... Говорит он крайне скупой и мало, застенчив. Губы у него раскрыты, и когда он не улыбается, у него кроткий вид, однако глаза, которые ни на ком не задерживают свой взгляд, полны энергии и свирепости. Они чертовски умны и столь же беспощадны. Движения его ног неуклюжи, он всю жизнь провел на коне, зато движения рук чрезвычайно просты, грациозны и уверенны. Он даже чуточку напоминает волка. Он грозный человек: никто в штабе не осмеливается поставить под сомнение его приказы, и здесь он абсолютный диктатор... Вилья конфискует обширные земельные владения севера и распределяет их бесплатно среди пеонов».

Джон Рид стал как бы связующим звеном между революциями в России и Мексике. Это побудило наши страны приступить к съемкам совместного советско-мексиканского фильма, посвященного жизни и борьбе легендарного американского писателя и журналиста. И, наверное, когда читатель увидит этот фильм на экране, перед ним зрительно предстанет образ Франсиско Вильи, который так ярко описан Джоном Ридом в приведенных выше выдержках из его статей.

Хорошо известно, что в августе 1924 года Мексика стала первой страной не только Латинской Америки, но и всего Западного полушария, которая признала Страну Советов и установила с ней дипломатические отношения. Это событие произошло

не само собой. Ему предшествовали длительные контакты между представителями наших стран. Как-то президент Мексики Л. Эчеверриа, вспоминая историю становления двух революций, отметил, что «оба молодых революционных государства искали возможности для сближения, стремились порвать с изоляцией, которую хотели им навязать некоторые государства. При всех неизбежных исторических и идеологических различиях глубокая волна симпатии положила начало нашим контактам».

Сведения о революции в Мексике, о борьбе ее народа против феодализма и чужеземного господства по разным каналам просачивались в Советскую Россию. Глубокий интерес к этой информации проявлял Владимир Ильич Ленин. По его рекомендации начали предприниматься первые шаги для установления непосредственных контактов с Мексикой. И вот 17 апреля 1919 года он подписывает полномочия, выданные Советом Народных Комиссаров РСФСР М. М. Грузенбергу (известный деятель нашей партии в сфере международных отношений, работавший за границей под именем М. М. Бородин), о назначении его генеральным консулом РСФСР при правительстве Мексиканской республики. Преодолев немало опасностей и трудностей, целый месяц добирался Бородин до Мехико. Тут же по прибытии в мексиканскую столицу его принимает президент В. Карранса. Бородин вручил ему свои полномочия и заявил, что Советское правительство с полной симпатией относится к борьбе народов Латинской Америки против империализма и готово прийти к ним на помощь.

Молва об этом визите личного представителя В. И. Ленина быстро разнеслась по Мексике. По всей стране прокатилась волна митингов в знак солидарности со Страной Советов. Вспоминая эти годы, первый посол Мексики в СССР Басилио Вадильо писал: «Российская революция нашла живой отклик в сердцах мексиканцев. Часто можно было слышать на улицах Мехико и в парламенте возгласы: «Да здравствует Ленин!» Мексиканский народ хорошо знает имена вождей российской революции и цели, которые она преследует».

Владимир Ильич Ленин стоял у истоков советско-мексиканских отношений. Он интересовался

борьбой мексиканского народа за свое социальное и национальное освобождение ее задолго до революции, решительно осуждал империалистическую политику США в отношении их южного соседа. Выступая с речью в 1917 году на I Всероссийском съезде Советов, Владимир Ильич Ленин предупреждал, что Америка «желает скушать Мексику».

Именно В. И. Ленину принадлежит главная роль в решении вопроса о развитии советско-мексиканской торговли. Как известно, в мае 1920 года предложение о развитии торговли было внесено мексиканским консульством в Москве. Глава Советского правительства, внимательно изучив это предложение, направил его в Наркомат торговли и промышленности (он выполнял тогда функции и Наркомвнешторга) с предложением обратить на него внимание и дать свое заключение. Спустя некоторое время консульству было сообщено о принципиальном согласии советской стороны начать переговоры о развитии торговли между двумя странами.

Интересные страницы истории советско-мексиканских отношений изложены в сборнике «СССР — Мексика. 50 лет», выпущенном Институтом Латинской Америки Академии наук СССР по случаю полувекового юбилея дипломатических отношений между двумя странами. В сборнике рассказывается о деятельности Российского общества Красного Креста (РОКК), представительство которого находилось и в США. Это общество проводило в двадцатых годах активную деятельность за рубежом по сбору средств в фонд помощи населению Поволжья, пострадавшего от неурожая. Руководитель представительства Д. Е. Дубровский дважды побывал в Мексике: в январе и августе 1922 года. «Во времени моего отъезда из Мексики,— сообщал в Москву после первой поездки Дубровский,— я получил заверения от президента Мексиканской республики Альваро Обрегона... что помощь голодающим будет ими послана на собственных пароходах в самое ближайшее время». По возвращении в США Дубровский получил от Обрегона телеграмму, в которой сообщалось: «Отданы срочные указания о направлении парохода с пшеницей. Искренне Ваш. Президент Республики Аль-

варо Обрегон». После второй поездки в Мехико Дубровский телеграфировал Москве: «Мексика погрузила 10 тысяч мешков кукурузы, 3 тысячи мешков риса, лекарства», предназначенные для отправки в Советскую Россию.

Так зарождались добрые связи и контакты между двумя странами. В сентябре 1923 года неофициальный представитель Наркомата иностранных дел СССР в США Б. Е. Сквирский встретился в Вашингтоне с мексиканским послом. В ходе беседы они пришли к выводу «о необходимости создания нормальных советско-мексиканских отношений». Через десять месяцев первый советский полпред в Мексике С. С. Пестковский получил агреман на право занять свой пост. Это известие встретило широкий отклик в Мексике. Общественность создала специальный комитет по встрече посла России. В этот комитет вошел тогда еще совсем молодой художник Давид Альфаро Сикейрос.

Принимая верительные грамоты от С. С. Пестковского, президент Мексики А. Обрегон сказал, что «Мексика всегда признавала неоспоримое право всех народов устанавливать у себя такие правительства и такие законы, которые более всего соответствуют их желаниям и стремлениям». А всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин при вручении ему верительных грамот первым мексиканским послом в СССР Басилио Вадильо произнес следующие слова: «Я глубоко уверен, что чувства взаимной дружбы и симпатии между народами обеих стран найдут свое отражение в дальнейшем развитии и укреплении культурных и деловых связей между Соединенными Штатами Мексики и СССР». Спустя два года С. С. Пестковского, который сыграл большую роль в развитии культурных контактов между нашими странами, на посту посла СССР в Мексике сменила выдающийся советский дипломат А. М. Коллонтай. В свою очередь она внесла большой вклад в дальнейшее развитие и расширение делового сотрудничества между СССР и Мексикой. Многие мексиканцы, с которыми я встречался во время своей поездки и которые хорошо знают и помнят историю зарождения советско-мексиканских отношений, рассказывали мне, что А. М. Коллонтай стала первым советским гражда-

нином, удостоенным высшей мексиканской награды — ордена Ацтекского орла с лентой.

Владимир Маяковский, посетивший в те дни Мексику, с чувством восхищения писал, что «подобной земли не видел и не думал, что такие земли бывают», а президент Мексики Л. Эчеверриа в апреле 1973 года сказал: «До сих пор нам близок несравненный гений Маяковского»...

В Мехико мне довелось побывать в Обществе дружбы «Мексика — СССР», и один из его членов показал фотографию.

— Узнаете? — спросил он.

Я посмотрел: стоят рядом два человека. Один с черными усами — на первом плане. Второй... Взглянул более внимательно. Что-то знакомое... И вдруг осенило:

— Так ведь это Владимир Маяковский! А кто рядом с ним?

— Мексиканский коммунист Франсиско Морено.

На обороте фото размашистым почерком сделана надпись: «Да здравствует дружба между народами Мексики и Советского Союза».

— А продолжалась ли связь Маяковского с Морено позднее?

— Нет. Через месяц после отъезда Маяковского из нашей страны Франсиско Морено был зверски убит латифундистами... Он был видным лидером крестьянского движения.

Вслед за В. Маяковским в эту страну направились выдающиеся советские кинематографисты Сергей Эйзенштейн, Эдуард Тиссэ и Григорий Александров. Они снимали здесь фильм «Да здравствует Мексика!». Но на экране эта в полном смысле слова уже историческая кинокартина появилась только в августе 1979 года на XI Московском международном кинофестивале и получила золотой почетный приз! Что же произошло? Почему этот фильм не увидел свет на протяжении столетия?

Советские кинематографисты сначала направились в США и предложили американским коллегам отснять совместный фильм. Однако социальная суть творческих задумок Сергея Эйзенштейна пришлась не по вкусу дельцам. На компромисс видные деятели советского кино не пошли, и им

пришлось отказаться от своих планов. Тогда американский писатель Теодор Драйзер и мексиканские художники Давид Сикейрос и Диего Ривера предложили Сергею Эйзенштейну снять фильм о Мексике. Так появилась кинолента «Да здравствует Мексика!», в которой главным действующим лицом выступил народ, кинолента, продолжившая славные традиции выдающихся советских фильмов «Броненосец «Потемкин» и «Октябрь». В новой кинокартине Сергея Эйзенштейна не было актеров и декораций, она запечатлела истинное лицо Мексики, ее величественное прошлое и героическое настоящее.

Но по приказу кое-кого из Вашингтона, когда советские кинематографисты возвращались на Родину через США, отснятые пленки были задержаны и помещены в один из американских архивов. И только недавно благодаря усилиям советского посольства в Вашингтоне десятки тысяч метров киноленты «Да здравствует Мексика!» вернулись в нашу страну. Но вернулись не все пленки. Несколько тысяч метров пропало. Все же Герой Социалистического Труда Григорий Александров в содружестве с кинорежиссером Никитой Орловым восстановил фильм по сценарию, который написал в свое время Сергей Эйзенштейн. Эстафета традиционной дружбы наших народов и духовной связи двух революций снова продолжена.

Сценарий фильма еще задолго до его съемок был навеян Сергею Эйзенштейну живописью мексиканского художника Хосе Клементе Ороско. Выдающийся советский кинорежиссер очень хотел с ним лично пообщаться. Трижды скрещивались их пути в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке и Мехико, но так и не удалось по стечению обстоятельств обменяться рукопожатиями. И все же они встретились в 1932 году. Это произвело на Сергея Эйзенштейна такое огромное впечатление, что он тут же сел за стол и написал статью «Прометей», посвященную Ороско. Но он высоко ценил и других мексиканских художников, с которыми установил самые теплые и дружественные отношения, среди них, естественно, были Диего Ривера и Давид Сикейрос. Сергей Михайлович Эйзенштейн говорил в те дни, что их полотна не меньше, чем путешествие по

стране, раскрывают богатство народного характера, природы, истории и современности Мексики.

И снова хочется вернуться к Диего Ривере, творчество которого так тесно связано с нашей страной. Первый раз он побывал в Советском Союзе на празднованиях десятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Демонстрация на Красной площади буквально потрясла его. Огромный людской поток, объединенный великой силой общего духа, сохранился в его памяти и не раз воплощался в самых разнообразных полотнах. «Я никогда не смогу забыть,— говорил он, делаясь впечатлениями о празднике на Красной площади,— этот величественный марш организованных трудящихся. Через узкие улицы на просторную площадь медленно выливался людской поток — сплошная, упругая, движущаяся масса. Нескончаемое шествие подчинялось единому ритму... и в этом зрелище было нечто внушавшее благоговейный трепет... Три часа простоял я... неумоимо вглядываясь в праздничную процессию и покрывая набросками страницы альбома». Диего Ривера выступил с речью на праздновании 10-летия Великого Октября. Он сказал тогда: «Мы восхищены теми великими достижениями, которых вы добились в стране освобожденного труда и свободной науки. Настало время, когда все действительные деятели науки и искусства должны сплотиться вокруг свободной мысли в СССР».

Он провел тогда у нас три месяца. На его полотнах появились пейзажи русской зимы, новостройки, дети в яслях. Он встречался с В. Маяковским, посетил театр В. Мейерхольда, подружился с Эйзенштейном, который писал позднее, что ростки его увлечения Мексикой были вскормлены рассказами Диего Риверы.

Второй раз Ривера побывал в СССР в 1955—1956 годах. Он снова сделал много зарисовок, и среди них последние — на аллеях Боткинской больницы, где пытался избавиться от неизлечимого недуга. Диего Ривера успел также запечатлеть на своих эскизах первый искусственный спутник Земли...

Хотелось бы напомнить и о поездке в Мексику в 20-е годы советского селекционера Н. И. Вави-

лова, который позднее написал книгу «Мексика и Центральная Америка как основной центр происхождения культурных растений Нового Света». Это исследование способствовало развитию того сотрудничества между нашими странами, которые я увидел на полях Игуалы и Эль-Рокса.

Рождение фашизма в Европе потрясло весь прогрессивный мир. Наши страны в этот ответственный период истории встали по одну сторону баррикад. СССР и Мексика осудили агрессию Италии против Абиссинии, франкистский мятеж в Испании и начало второй мировой войны, развязанной силами фашизма и империализма. В годы франкистского путча Мексика активно поддерживала законное республиканское правительство Испании, которому поставляла оружие, боеприпасы и продовольствие. В Испанию отправился большой отряд мексиканских добровольцев. Они сражались плечом к плечу с советскими добровольцами. В состав мексиканского отряда входил художник Давид Альфаро Сикейрос.

На второй день после вероломной агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза мексиканское правительство выступило со специальным заявлением, в котором решительно осудило этот акт международного разбоя. Девятого июля 1941 года на массовом митинге в Мехико выступил известный общественный и политический деятель страны Нарсисо Бассольс, который позднее был назначен послом Мексики в Советском Союзе.

— Быть другом Советского Союза,— заявил он,— значит быть достойным гражданином Мексики. Быть солидарным с Красной Армией — значит быть настоящим мексиканским гражданином... Союз Советских Социалистических Республик — единственная страна в мире, которая в этой войне может добиться мира. Мы, мексиканцы, знаем, что гораздо более важно и благородно для человека выиграть мир, чем просто завоевать победу в войне. Советский Союз является нашей гарантией мира в будущем, прочного и подлинного мира во всем мире.

В 1942 году мексиканский народ торжественно отметил 25-летие Великой Октябрьской социалистической революции. На многолюдном митинге в Мехико было оглашено специальное послание пре-

зидента страны А. Камачо советскому народу. «Мексиканский народ,— говорилось в нем,— с восхищением смотрит на героические усилия, которые проявляет советский народ в борьбе против фашистов. Кампания 1941 года, славная оборона Сталинграда составляют бессмертные страницы истории.

Сельский учитель Альберто Голиндо, вспоминая во время нашей встречи свою юность, рассказал о том, что знал одного старого крестьянина, сын которого в составе группы молодых мексиканцев отправился в Ленинград сражаться против фашистов. «Все мексиканские интернационалисты,— сказал он с горечью и в то же время с гордостью,— отдали свои жизни в боях под Невской Дубровкой».

В мае 1942 года Мексика объявила войну Германии, Японии и Италии. Это еще более укрепило добрые отношения между нашими странами. «Великолепная борьба,— писал в те годы президент Мексики А. Камачо в послании главе правительства СССР,— которую ведет Советская Армия против войск тоталитарных держав и которая решительно поддерживается всем народом Советского Союза, вызвала в Мексике, так же как и во всем мире, самый горячий энтузиазм».

Совместная борьба против фашизма еще более сблизила наши страны и народы, определила общность целей в стремлении к миру и демократии. В послевоенные годы дальнейшее развитие получило многогранное сотрудничество Мексики с Советским Союзом и всеми странами социалистического содружества.

Мексиканский народ восторженно встречал на своей земле советских героев космоса Юрия Гагарина, Валентину Николаеву-Терешкову и Германа Титова. В Мексике частыми гостями бывают советские ученые, деятели культуры, театральные труппы и спортсмены.

В 1973 году между нашими странами было подписано торговое соглашение. Оно предоставляло СССР и Мексике взаимные режимы наибольшего благоприятствования. Одновременно был подписан протокол о создании смешанной советско-мексиканской комиссии по торговым поставкам и протокол о поставках в Мексику советских машин и оборудо-

дования на льготных условиях рассрочки платежа. Этим протоколом также предусматривалось, что советские внешнеторговые организации будут использовать выручку от продажи машин и оборудования на покупку мексиканских товаров, в том числе максимально возможной доли готовых изделий и полуфабрикатов. По поводу этого соглашения мексиканская газета «Диу» писала, что его условия исключительно благоприятные и открывают двери для более эффективного сотрудничества между СССР и Мексикой.

В дни 50-летия установления дипломатических отношений между двумя странами (август 1974 года) в Мехико состоялась торгово-промышленная выставка СССР. Она прошла с огромным успехом. На выставке велись коммерческие переговоры между представителями советских внешнеторговых организаций и мексиканских государственных организаций и частных фирм. В результате был заключен ряд контрактов на поставку в Мексику советских изделий, главным образом машин, оборудования и приборов.

Появились и новые формы торговли. В том же 1974 году между советской организацией «Тракторэкспорт» и мексиканской государственной компанией «Сидерурхика насьональ» («Сидена») было заключено 10-летнее соглашение об организации в Мексике сборки советских тракторов. Помимо тракторов, в Мексику начались поставки запасных частей к тракторам и технологическое станочное оборудование, металлорежущие станки, турбобуры, запчасти к нефтебуровому оборудованию, текстильное оборудование.

Советский Союз закупает в Мексике душистый перец, волокно, кофе, какао-бобы и другие товары. Внешнеторговые организации СССР обсуждают с Мексикой возможности закупок готовых изделий и полуфабрикатов, которые представляли бы интерес для народного хозяйства СССР.

Мексика первой из развивающихся стран Латинской Америки подписала в 1975 году соглашение о сотрудничестве с Советом Экономической Взаимопомощи. Делегация Мексики принимала участие в московской XXXIII сессии СЭВ, посвященной 30-летию этой международной экономической орга-

низации стран социалистического содружества.

В марте 1977 года успешно прошло первое межпарламентское совещание представителей Верховного Совета СССР с депутатами мексиканского конгресса. Советскую делегацию, которую возглавлял заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Ф. Ватченко, принимал президент Мексики Хосе Лопес Портильо.

На совещании обсуждались вопросы двустороннего сотрудничества в области образования, науки, техники и культуры, перспективы развития экономических связей. Особое внимание уделялось проблеме всеобщего и полного разоружения. Обе стороны подчеркнули необходимость одобрить резолюцию генеральной Ассамблеи ООН о запрещении разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и заключить международную конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического оружия и его уничтожении. Достигнув взаимопонимания в вопросе неприменения силы в международных отношениях, парламентарии СССР и Мексики заявили об общей решимости содействовать заключению всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях.

Ярким проявлением добрых и многогранных контактов между СССР и Мексикой стала встреча и переговоры в Москве между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым и президентом Мексики Хосе Лопесом Портильо.

Солнечное утро 17 мая 1978 года. На Внуковском аэродроме приземляется самолет с главой мексиканского государства. Вместе с ним прибыла большая группа официальных лиц и мексиканских журналистов. Вереница машин движется по улицам Москвы...

Я сопровождал мексиканских журналистов. Многие из них говорили, что впервые в нашей стране. Они жадно всматривались в лица гостеприимных москвичей. Взаимные приветствия. В их машины летят букеты сирени, которой они никогда в своей жизни не видели. Забегая вперед, скажу: когда позднее я встретил своих коллег в Мехико, они говорили, что запах сирени им даже по ночам снится.

В Мексике прекрасные цветы, но таких нежных и с таким бодрящим ароматом, отмечали мексиканские журналисты, к сожалению, нет.

Еще на Внуковском аэродроме мы говорили нашим коллегам: «Смотрите, какой прекрасной погодой вас встречает Москва». День был на редкость погожий и даже жарковатый для этого времени года. Но они были разочарованы. «Такая погода,— говорили мексиканские журналисты,— у нас круглый год стоит. Мы же мечтали увидеть чисто русскую».— «Приезжайте зимой,— отвечали мы,— но смотрите, потом не жалейте». Правда, моя январская встреча с туристами из Мексики убеждает, что они не только не сожалели, познав наши морозы, но и сохранили о них самую яркую память. Что ни говори, а мороз для мексиканцев — экзотика!

Вечером того же дня Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали обед в честь высокого гостя из Мексики. Ярko горели хрустальные люстры Большого Кремлевского дворца, царила атмосфера радушия, полного взаимопонимания. Вот что, в частности, сказал на этом обеде Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к Хосе Лопесу Портильо:

— Сегодня между СССР и Мексикой во многих областях установилось взаимовыгодное, равноправное сотрудничество на принципах мирного существования.

Тон нашим отношениям задает, безусловно, успешное развитие многообразных политических контактов. Приверженность делу борьбы за мир и международную безопасность, солидарность с народами, отстаивающими свою свободу и независимость, служат для них надежным фундаментом. Мы легко находим общий язык во многих вопросах международной политики, выступаем с общих или близких позиций по самым актуальным проблемам современности. Регулярные консультации, обмен парламентскими делегациями и, конечно, встречи на высшем уровне — все это помогает укреплять взаимопонимание и взаимное доверие, намечать вехи дальнейшего сотрудничества.

В ответном слове глава мексиканского государства Хосе Лопес Портильо сказал:

— Мы прибыли сюда, чтобы говорить о мире

с народом, который пережил самые тяжелые бедствия войны, завоевал признание благодаря своим постоянным инициативам, направленным на достижение разоружения, разрядки напряженности и мирного сосуществования.

Мексиканские гости совершили поездку по стране. О каждом ее этапе корреспонденты, сопровождавшие Хосе Лопеса Портильо, передавали сообщения в Мехико. Они писали о теплоте и дружеских чувствах, которые проявляли советские люди к высокому гостю, писали в своих репортажах о поездке в Баку и о том, что это была не ознакомительная экскурсия, а глубокое изучение специалистами-нефтяниками, которые прибыли с президентом Мексики, советских достижений в добыче нефти со дна моря. Подобные же работы Мексика проводит у своего побережья. Гости побывали в Новосибирске, Ленинграде.

Успешно завершились переговоры на высшем уровне. Обе стороны отметили обоюдную приверженность принципам мирного сосуществования и общность интересов в укреплении мира и международного сотрудничества. Была подчеркнута решимость обеих стран продолжать усилия в благородном деле упрочения всеобщего мира и безопасности народов, по достижению реального разоружения и предотвращения угрозы ядерной войны. Советский Союз решил стать участником дополнительного протокола II к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (договор Тлателолко) и тем самым содействовать укреплению режима безъядерной зоны на этом континенте. Советский Союз и Мексика выразили готовность к расширению и углублению двусторонних связей в политической, экономической, культурной, научно-технической областях.

Как писала в те дни мексиканская печать, визит президента Хосе Лопеса Портильо в Советский Союз был «направлен на активизацию экономических отношений». Особый интерес Мексика проявила к советской технологии добычи и транспортировки нефти, а также природного газа. Во время визита президента Мексики было подписано еще одно соглашение о программе научно-технического сотрудничества. «Передовая технология СССР будет

способствовать независимому развитию Мексики» — к такому выводу пришла влиятельная мексиканская газета «Насьональ», близкая к правительственным кругам.

В особняке Министерства иностранных дел СССР состоялась встреча советских и мексиканских журналистов. На встречу прибыл представитель Хосе Лопеса Портильо, по поручению которого подарил нам прекрасное издание альбома рисунков Сергея Эйзенштейна, сделанных им в Мексике. Эти рисунки кропотливо подбирал друг советского кинорежиссера художник Габриэль Фернандес Ледема. На цветной обложке по-русски сделана надпись: «Мексиканские рисунки С. М. Эйзенштейна, публикуются впервые».

Через восемь месяцев после визита Хосе Лопеса Портильо в нашу страну я вновь среди своих мексиканских коллег, но уже на их земле. При встрече они преподнесли мне букетик каких-то редких цветов, растущих в высокогорных районах Мексики и напоминающих эдельвейсы. Эти цветы, пояснили коллеги, собирали ее ацтеки, чтобы украсить ими свои ритуальные праздники.

Неожиданная встреча произошла в министерстве сельского хозяйства и водных ресурсов Мексики. Я сидел в кабинете заместителя министра Абелрадо Семая Брондо и рассказывал о поездке по стране, встречах с крестьянами, вспомнил дни пребывания Хосе Лопеса Портильо в Советском Союзе. Вдруг мой собеседник спросил:

— Хотите повидать моего коллегу, Америку Виллариала, который сопровождал президента Мексики во время его визита в Советский Союз?

— Да, конечно, тем более я его видел в Москве, но мне не представилась тогда возможность с ним познакомиться.

Абелрадо Семая Брондо снял телефонную трубку и попросил другого заместителя министра Америку Виллариала зайти в его кабинет. Через несколько минут он вошел в комнату. Высокий, широкоплечий, подтянутый. Крепкие рукопожатия.

— Эта поездка, — сказал он, — оставила у меня неизгладимое впечатление. Пребывание в Москве, Ленинграде, Баку и Новосибирске было восхити-

тельным и очень поучительным. Я должен еще раз отметить, что визит в СССР Хосе Лопеса Портильо имел важное значение, а итоги его оказались весьма плодотворными.

Из бесед с журналистами и официальными лицами в Мексике у меня сложилось впечатление, что они весьма заинтересованы в развитии многогранного сотрудничества с нашей страной. Мои собеседники давали высокую оценку неутомимой деятельности Советского Союза, направленной на достижение разрядки и оздоровление международных отношений, подчеркивали, что это создает благоприятные условия и для Мексики, для ее самостоятельного внешнеполитического курса и борьбы за экономическую независимость.

Перед возвращением на Родину я еще раз посетил штаб-квартиру ИРП, с тем чтобы проститься с секретарем исполкома этой партии Хосе Муратом и поблагодарить его за помощь, которую он оказал в организации поездок по стране.

— Эти поездки и встречи с людьми, — напутствовал Хосе Мурат, — дадут вам самое полное представление о Мексике, все еще продолжающей оставаться крестьянской страной, несмотря на бурный рост промышленности. Во всяком случае истоки целого ряда проблем, стоящих сейчас перед нами, находятся именно в сельских районах. От того, как мы решим эти проблемы, зависят и все другие пути экономического развития нашей страны.

Как-то в другой беседе он более конкретно пояснил цели аграрной политики своей партии.

— Аграрная политика, — сказал Хосе Мурат, — одно из главных наших направлений. Нам надо наладить массовое производство сельскохозяйственной продукции, сделать так, чтобы земля давала больше продукции. Но за этим процессом стоит человек, то есть тот, кто является движущей силой производства. Но какое место он занимает в земельных отношениях? Раньше земля находилась в руках нескольких семей. Наша же задача состоит в том, чтобы дать землю в руки тех, кто ее обрабатывает. Этот процесс носит болезненный характер и встречает сопротивление определенных сил. А нам надо идти дальше — повышать интенсификацию производства. Опыт, который у нас на-

коплен в эхидальных хозяйствах, позволяет оптимистически смотреть в будущее.

Хосе Мурат пришел в институционно-революционную партию из молодежного движения. Он обратил на себя внимание еще в студенческие годы своим кругозором, энергией, авторитетом, который завоевал среди сверстников и преподавателей. Разговаривая со мной, он в какой-то момент встает из-за стола, начинает жестикулировать и так вибрирует голосом, будто выступает на многолюдном митинге. Затем, как бы спохватившись, поясняет: «Простите, я привык работать с массами».

Во время американской агрессии против Вьетнама он возглавлял не одну студенческую демонстрацию в Мехико, требующую немедленного прекращения «грязной войны» против героического вьетнамского народа. Позже был участником многих международных форумов, проводимых Всемирным Советом Мира, присоединяя свой голос от имени мексиканского народа к требованиям всех людей доброй воли на нашей планете обуздать гонку вооружений, искоренить расизм и неоколониализм, покончить с фашистскими диктатурами в Латинской Америке.

Как раз в дни моих встреч с Хосе Муратом пришло сообщение об освобождении Кампучии и изгнании многострадальным народом этой страны полпотовской клики. Западная пропаганда обрушилась на Социалистическую Республику Вьетнам, обвиняя ее во всех грехах тяжких. «Здесь, в Мексике,— говорил Хосе Мурат,— это не пройдет. Наш народ полностью стоит на стороне Вьетнама и новой Кампучии, перед народом которой был один выбор: геноцид или свобода. Он выбрал свободу».

И вот прощальная встреча в кабинете Хосе Мурата. Он вызывает одного сотрудника аппарата за другим, давая указания принести мне различные брошюры, книги, пресс-релизы, газеты. «Возьмите, возьмите,— повелительно чеканил слова,— возьмите все это с собой. Ведь о том, как и что вы о нас напишете, будет зависеть представление о Мексике советских людей, а их мнением и отношением к нам мы очень дорожим». «К сожалению,— добавил помощник Хосе Мурата, положив передо мной несколько книг,— не везде о нашей стране

пишут объективно». И я понял, что он имел в виду.

Поток материалов, публикующихся о Мексике на страницах западной печати, и в частности американской, действительно может насторожить любого объективно мыслящего человека. Я прочитал множество такого рода материалов, и почти в каждом из них проглядывали высокомерие, издевка и злорадство по поводу тех или иных неудач, которые иногда случаются в нефтяной промышленности Мексики, особенно при бурении скважин в глинистых почвах. «Плохие специалисты», «никудышное оборудование»,— писали в подобных случаях американские журналисты, делая при этом недвусмысленные намеки, что без американской «помощи» Мексике якобы все равно не обойтись.

И вновь зашел разговор о недавней поездке президента Мексики Хосе Лопеса Портильо в Советский Союз, о его встречах с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Леонидом Ильичом Брежневым и о тех добрых итогах, которыми они закончились. Я спросил Хосе Мурата, как он оценивает развитие отношений между нашими странами?

— Нам,— ответил Хосе Мурат,— очень приятно, что они развиваются положительно, ибо всегда народы Советского Союза и Мексики были вместе в стремлении к миру, уважению прав человека на труд, образование, развитие культуры. Но самое главное для человека — мир. Это тот путь, по которому должно пойти все человечество. В борьбе за мир, разрядку и разоружение наши страны идут плечом к плечу.

...Во время поездок по Мексике мне приходилось встречаться с самыми разными людьми, бывать в их домах, видеть, как они трудятся, проводят свой досуг, беседовать и с пожилыми и с молодыми. Неизменным было одно: доброе отношение к нашей стране, стремление дружить и сотрудничать с советским народом.

Добрую, самую добрую память я храню об этой земле и ее прекрасных людях, желающих жить в мире со всеми народами, горячо любящих свою родину и ревностно отстаивающих ее политическую и экономическую независимость.

- 3** Ацтекский орел
- 12** Верхние этажи Мехико
- 33** Стрессы нефтяного нерва
- 45** Колючая проволока
- 60** Знакомство с эхидо
- 70** Поля Игуалы и Эль-Рокса
- 77** Наши отношения

Николай Борисович Пастухов **ЩУПАЛЬЦА СПРУТА** **ВДОЛЬ РИО-ГРАНДЕ**

Редактор Ф. Л. Цыпкина
Художник А. А. Житомирский
Художественный редактор А. А. Орехов
Технический редактор Р. Д. Каликштейн
Корректор Э. З. Сергеева

ИБ № 2819

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Тула-У». Сдано в наб. 17.07.80. Подп. в печать 30.09.80. А10461. Формат 84×100/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура журн. рубл. Печать высокая. Усл. п. л. 4,68. Уч.-изд. л. 5,09. Тираж 50 000 экз. Заказ 1293. Цена 15 к. Изд. инд. ХД-347.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.